

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Осипова Лариса Витальевна

ДИССЕРТАЦИЯ

Тема: Влияние теории эволюции на формирование социологических
концепций

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Научный руководитель -

доктор философских наук

профессор **Бороноев А.О.**

Санкт-Петербург

2003

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Теория эволюции как методологическая основа социологических концепций	10
1.1. Теории, признающие ведущим фактором социальных процессов эндогенные особенности человека.....	10
1.2. Социологические теории, признающие влияние экзогенных факторов среды ведущими в социальных процессах.....	45
1.3. Теоретические аспекты соотношения социального и биологического в человеке	69
Глава 2. Системные представления о социальных процессах в контексте теории эволюции	83
2.1. Системные исследования Г. Спенсера в свете современного естествознания	83
2.2. Системные эволюционные представления в современных социологических исследованиях.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
ЛИТЕРАТУРА.....	146

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Взаимодействие социогуманитарных и биологических наук имеет давнюю историю, которая отмечена различной активностью - от обострения взаимного интереса до полного отрицания необходимости такого взаимодействия, что отражено в различных направлениях социогуманитарной мысли. В настоящее время наблюдается период активного развития интеграционных процессов. К этим тенденциям можно отнести формирование различных гуманитарных направлений, опирающихся на биологические исследования: социальная этология, социобиология, биолингвистика, биосемиотика, биополитика и др.

Биологические науки, изучающие происхождение, развитие и изменения биосферы Земли, а так же взаимодействия организмов между собой и своей средой обитания, опираются на системные представления теории эволюции, дающие прочную научную основу для комплексного изучения сложных естественных систем, которыми являются живые организмы и их различные объединения. Авторы социологических концепций, использовавшие в своих теоретических конструкциях идеи теории эволюции, основывались на сформулированных Г.Спенсером представлениях о социальных процессах как части единых эволюционных процессов происходящих в природе.

Повышение интереса социогуманитарных наук к биологии вызвано дальнейшим развитием системного подхода, а так же сформировавшимися в современной науке представлениями о наступившем веке как “веке биологии”, что связано с бурным развитием биологических исследований, ставящих новые проблемы своими открытиями перед гуманитарными науками, и в частности перед социологией, которая, чтобы не остаться в стороне общемировых научных открытий и тенденций, неизбежно должна будет их осмыслить и включить в канву своих представлений.

Поскольку фундаментальным основанием биологии является эволюционное учение, то в контексте мировых тенденций в науке представляется *актуальным* проведение анализа социологических концепций, сформулированных под влиянием теории эволюции с точки зрения современных эволюционных представлений, что позволяет в свете

современного научного знания развивать более широкое взаимодействие социологии с биологическими науками на основе более точного использования современных эволюционных законов в социологических исследованиях.

Степень разработанности проблемы

Начало развития эволюционного направления в социологии было положено Г.Спенсером, мировоззрение которого характеризуется глобальным, вселенским видением единства эволюционных процессов. Особенно бурно это направление стало развиваться в связи с фундаментальными биологическими открытиями XIX века, в которых были сформулированы основные законы теории органической эволюции, дополненные в дальнейшем генетическими законами о передаче по наследству признаков организмов. Под влиянием этих идей находились Г.Спенсер, Ф.Гальтон, Л.Гумплович, Р.Вагнер, У.Беджгот, Л.Вольтман и другие социологи XIX века.

Подробному критическому анализу социологических концепций с позиции дарвинизма посвящены работы М.Ковалевского, В.Вагнера, Л.Мечникова.

Под влиянием теории эволюции на социологические исследования сформировалось социобиологическое направление, основанное Э.Уилсоном и получившее дальнейшее развитие в работах Ч.Ламсдена, лауреата Нобелевской премии Р.Сперри, М.Рьюза, Г.Фолльмера, Д. Фридмана, Р.Докинса, Р.Александера, Р. де Соса, Р.Хайнда, Дж.Хогенсона и других.

В отечественных социобиологических исследованиях можно отметить работы И.Меркулова, В.Дольника, Ю.Плюснина, А.Козинцева, Е.Панова, Ю.Новоженова.

Системные основы теории эволюции, ставшие базой для социологических исследований, активно развиваются, чему способствовало становление общей теории систем, начало которой было положено Л.Берталанфи, М.Мессаровичем, А.Рапопортом, А.Уемовым, Э.Юдиным и др. Благодаря этим разработкам ученые, использующие системный подход, получили точный инструмент для своих исследований. Это придало импульс дальнейшему развитию системного подхода не только в

биологических исследованиях, для которых общая теория систем первоначально предназначалась, но и в самых различных областях научного знания. В социогуманитарных науках системный подход широко представлен в работах исследователей различных научных направлений: Г.Спенсера, Э.Дюркгейма, М.Вебера, Т.Парсонса, Н.Лумана, К.Маркса, Б.Ананьева, В.Афанасьева, В.Сержантова, Т.Карсаевской и многих других.

Краткие обзоры системных исследований приводятся в работах В.Пушкаревой, И.Громова. Концепции моделирования социальных систем и основные категории изложены в работе А.Бороноева, Ю.Письмака, П.Смирнова. Но, в целом, тема обзора и обобщения методологий системного подхода в социологии, основанных как на системных закономерностях существования и развития живых систем, разрабатываемых современной теорией эволюции, так и на самостоятельном использовании системных представлений, слабо исследована.

Научная литература, посвященная истории социологии и анализу тех или иных научных школ и направлений, составляет значительную часть разнообразных публикаций по теоретической социологии. Этой теме посвящены как специальные аналитические исследования, так и учебники по истории социологии, статьи, обзоры. Почти в каждой книге по социологической тематике дается хотя бы краткий обзор по истории социологии.

Особенно много работ посвящено критике социал-дарвинизма, мальтузианства, евгеники, расистских теорий и других биологически ориентированных направлений. Можно выделить работы И.Фролова, И.Кона, Дж.Льюиса, Г.Дитля, Дж.Лолера, А.Вернеке, П.Вайнгардта, А.Каримского. Краткие обзоры и критика приводятся в учебниках по истории теоретической социологии, например, в книгах А.Гофмана, Ю.Давыдова и других. В большинстве этих исследований акцент делается на моральные аспекты проблемы поисков аналогий между человеком и другими животными. Кроме того, в исследованиях российских ученых до недавнего времени преобладала идеологическая направленность, вследствие чего собственно теоретическое осмысление социологических концепций биологической направленности представлено ограничено. С позиции научного анализа естественнонаучные направления в социологии

исследовались Р.Карпинской, которая проводила широкий обзор и анализ биологических направлений и, в частности, социобиологии. Современные социобиологические концепции исследуются И. Меркуловым.

Менее разработанными являются исследования влияния теории эволюции на формирование марксистских социологических представлений. В разнообразных источниках приводятся многочисленные цитаты из работ К.Маркса и Ф.Энгельса, но анализ их взглядов на формирование социального поведения человека, влияние теории эволюции на теоретические основы этих взглядов, их естественнонаучное мировоззрение слабо представлены в научной литературе.

В связи с изложенной выше актуальностью темы, общий обзор истории взаимодействия социологии с биологическими науками в аспекте осмысления социальных особенностей человека, а так же анализ с точки зрения теории эволюции однофакторных теоретических построений и обоснование необходимости комплексного системного подхода к изучению сущности и поведения человека в его социологическом аспекте нуждаются в дальнейшей разработке.

Объектом исследования диссертационной работы является взаимодействие социологии с теорией эволюции.

Предметом исследования являются изменения представлений теоретической социологии о биологических основах социальной реальности в процессе осмысления законов теории эволюции.

Цели исследования:

1. Проанализировать и обобщить опыт использования теоретической социологией системных закономерностей теории эволюции.

2. На исторических примерах развития социологической мысли обосновать необходимость более широкого взаимодействия социологии с биологическими науками в рамках системного подхода к изучению социальной реальности на основе использования представляемых теорией эволюции и общей теорией систем точных методологий.

Для достижения этих целей поставлены **задачи**:

- Рассмотреть социологические концепции, признающие ведущими фактором социальных процессов:
 - эндогенные факторы,
 - акцентирующие свое внимание на экзогенном воздействии среды.
- Проанализировать различные социологические концепции с точки зрения представлений теории эволюции о единстве экзо- и эндогенных факторов формирования особенностей организма и показать необоснованность противопоставления биологического и социального фактора в формировании поведения человека.
- Рассмотреть тенденции в понимании системности социальных процессов: на примере исследований Г.Спенсера, а так же развиваемые современными направлениями социогуманитарной мысли.

Методологическая основа исследования

В качестве методологии исследования использовались эволюционные представления и системный подход, а так же современные системные представления синтетической теории эволюции (объединяющей дарвинизм и законы генетики) и общей теории систем.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- проведен на основе логики и системных представлений теории эволюции анализ социологических концепций, признающих эндо- или экзогенную детерминированность социальных процессов; раскрыта их несостоятельность с точки зрения современных представлений биологических и гуманитарных наук;

— исследованы методологии поисков соотношения биологического и социального в человеке и его поведении, показаны противоречия противопоставления биологического и социального с точки зрения целостности и единства;

- показано, что искажение основных закономерностей теории эволюции в социологических концепциях приводит к представлениям о независимом воздействии эндогенных и экзогенных факторов на формирование поведения человека, что не соответствует современным системным представлениям;

- рассмотрена концепция Г.Спенсера в контексте современных системных и эволюционных представлений;

- показано, что аналогии между организмом и обществом, отмеченные Г.Спенсером, связаны с единством структур, обеспечивающих существование любой живой системы, а различия - с различными системными уровнями организма и общества;

- выявлены причины логических противоречий теории эволюции Г.Спенсера с биологической теорией эволюции, которые заключаются в недостаточном внимании Г.Спенсера к внутрисистемным взаимодействиям, обеспечивающим относительный консерватизм живых систем, способствующий их активному сопротивлению возмущающим воздействиям среды;

- показаны тенденции к более тесному взаимодействию социологических исследований с теорией эволюции и общей теорией систем.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов как для дальнейшего изучения истории взаимодействия социологии с биологическими науками, так и для формулирования новых идей в социологии. Материалы данного исследования могут быть полезны при подготовке учебных программ по курсу истории и теории социологии и отдельных спецкурсов.

На защиту выносятся положения о том, что:

1. Теоретические построения исследователей, признающих биологическую детерминированность социального поведения, как ее понимали сторонники социал-дарвинизма и расово-антропологической школы, основываются на ошибочных представлениях о законах развития и не имеют под собой декларируемой ими естественнонаучной базы.

2. Признание социального воздействия как единственного, детерминирующего социальное поведение фактора, не соответствует современным представлениям как гуманитарных, так и естественных наук о законах развития.

3. Исследования соотношения биологического и социального, в которых противопоставляется биологическая и социальная сущность человека, проводившиеся в российских социогуманитарных исследованиях, противоречат системным представлениям гуманитарных и естественных наук о единстве процессов формирования человека.

4. В современных социологических системных исследованиях наблюдаются тенденции к большему пониманию амбивалентности человеческой природы, к объединению системных и биологических методов, к пониманию единства всех процессов развития.

5. Современная теория систем, и в частности, системный анализ, позволяют объединить биологические методы и методы других наук для изучения человека и социальных систем

Объем и структура диссертации:

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Глава 1 Теория эволюции как методологическая основа социологических концепций

1.1. Теории, признающие ведущим фактором социальных процессов эндогенные особенности человека

Успехи биологической науки 19-го века, бурное развитие эволюционной теории, разрабатываемой Г.Спенсером, Ч. Дарвином, А. Уоллесом, Т. Хаксли, открытие и изучение генов - носителей наследственной информации, а так же признание человека биологическим видом дали толчок к развитию эволюционного направления в социологии.

Социальная эволюция, по мнению Г. Спенсера и его последователей, является частью общих эволюционных процессов, происходящих в биосфере Земли, поэтому многие социологи выбрали биологическую теорию эволюции в качестве основы для своих теорий, что привело к формированию биологически ориентированного направления в социологии.

Обращение социологов к биологическим наукам указывает на естественнонаучную позицию авторов, которые пытаются осмыслить разнообразные социальные процессы с точки зрения их детерминированности, в той или иной степени, биологическими законами. После открытия Чарльзом Дарвином общих принципов и закономерностей эволюции живых организмов биосферы Земли, эволюционное направление стало бурно развиваться. Последующее подтверждение генетикой эволюционных законов, позволило создать синтетическую теорию эволюции, объединяющую теорию Дарвина и законы генетики. Поскольку человек является биологическим видом и, следовательно, частью биосферы Земли, то казалось, что стоит применить открытые биологические законы к человеку, как все проблемы социальной эволюции нашего вида, а, следовательно, и

всех социальных процессов будут решены, что положило начало некоторым направлениям социологических исследований. Под влиянием этих идей находились многие ученые: в Англии У.Беджгот, во Франции К.Руайе, В США Л.Уорд, Ф. Гиддингс, У.Самнер и многие другие. Идеи эволюционизма привели к формированию социал-дарвинистской школы.

Но, раскрывая механизмы эволюции всей органической жизни на Земле на протяжении всей истории ее существования, теория эволюции, взятая на вооружение социологами, встретила со значительными трудностями в описании развития одного только вида *Homo sapiens* на очень небольшом, всего несколько десятков, или сотен лет, отрезке времени.

Ученые, работавшие в рамках социал-дарвинистской школы, пытались напрямую использовать для объяснения социальных процессов эволюционную теорию. "Наиболее общий признак социального дарвинизма - рассмотрение социальной жизни как арены непрерывной и повсеместной борьбы, конфликтов, столкновений между индивидуумами, группами, обществами, а также между социальными движениями, институтами, обычаями, нравами, социальными и культурными типами и т.п." [Гофман, 1997 с.43].

Ч.Дарвин назвал свою книгу: "Происхождение видов путем естественного отбора или в борьбе за жизнь выживают достойнейшие". Но, если опираться только на название, то "борьбу за существование" действительно можно интерпретировать как бесконечную вражду между организмами, а "выживание сильнейшего" как выживание физически наиболее сильной особи. Однако в тексте книги Ч.Дарвин приводит огромное количество фактического материала, собранного им на протяжении двадцати лет, который и раскрывает истинную картину эволюционного

процесса. Именно примеры приспособлений и изменений организмов в зависимости от условий обитания дают представление о том, что борьба за существование - это **адаптация ко всему комплексу условий существования**, а выживание сильнейшего, это **выживание наиболее приспособленной особи**, которая отнюдь не всегда физически наиболее сильная или агрессивная. Однако социал-дарвинисты поняли "борьбу за существование" слишком узко и буквально, как физическую борьбу, что не позволило им выйти за рамки чисто бытового смысла этого понятия и создать общую теорию развития социальных отношений.

Одним из первых представителей социал-дарвинистской школы можно считать Томаса Гоббса, который писал свои работы задолго до выхода в свет книги Ч.Дарвина. Его "война всех против всех" [Гоббс, 1991], а так же работы Т.Мальтуса, послужили ключом к теории эволюции, благодаря которому Дарвину удалось увидеть и понять всю сложность и противоречивость эволюции органической жизни на Земле.

Уолтер Беджгот писал: "Можно возражать против принципа "естественного отбора" в других областях, но он несомненно господствует в ранней истории человечества: сильнейшие убивали слабейших, как только могли" [Bagehot, 1891, p.442]. Следуя логике У.Беджгота, еще на стадии ранней истории человечества должен был остаться в живых только один самый сильный представитель нашего вида.

Другой социал-дарвинист Людвиг Гумплович принимал активное участие в становлении социологии как самостоятельной науки. Он спорит с Морисом Длоком, с Дж. Ст. Миллем, заявляет право социологии на существование и независимое изучение социальных групп, утверждая, что человеческий прогресс есть результат взаимодействия социальных групп.

Отстаивая право социологии на самостоятельное развитие, отдельное от других наук, Л.Гумплович, исследуя социальные группы, продолжает традиции системного подхода в социологии, принятые Г.Спенсером, труды которого оказывали значительное влияние на теоретическую основу работ Л.Гумпловича. Предметом исследования социологии Л.Гумплович считал социальные группы, утверждая, что социальная группа - это не сумма индивидов, а самостоятельная целостная единица, имеющая собственные свойства, которыми не располагает отдельный индивид.

Л.Гумплович придавал большое значение в историческом процессе социальным изменениям социальных групп, предлагая именно социальные группы, а не отдельных индивидов считать элементом социальной эволюции. При этом, Л.Гумплович осознавал сложность и многофакторность социального устройства общества, определяя социальные группы, как объединение индивидов, произошедшее в результате наличия у личностей, составляющих социальную группу, общего главного жизненного интереса. “Социальная группа есть основной элемент социальной эволюции и простейший фактор исторического процесса. Группа эта создается и обуславливается общим главным жизненным интересом. Сколько главных интересов, столько же и соответственных социальных групп; так же, как несколько стремлений могут принадлежать одной личности, так и личность может принадлежать нескольким группам, периферии которых поэтому взаимно пересекаются или же включены одна в другую” [Гумплович, 1895, с.68].

По мнению Л.Гумпловича, социальная группа имеет отличие от массы случайных людей, составляющих “сборища”, и это отличие выражается в организованности социальной группы. Причем сборище может

организоваться в социальную группу, если произойдет событие, вносящее общий интерес.

По его мнению, “высший закон социального развития” - это “...стремление каждой социальной группы подчинять себе каждую другую социальную группу, встречающуюся на ее пути, стремление к порабощению, к господству” [Гумплович, 1895, с.68]. “Высший закон социального развития” Л.Гумплович обосновывал как закон природы, основанный на стремлении к самосохранению социальных групп. Этот процесс, по его мнению, обеспечивает “...стремление социальных групп к самосохранению и обеспечению своего благосостояния, приводит к стремлению к власти, которое, при столкновении с подобными же стремлениями других групп, приводит к борьбе за власть над другими социальными группами. Но все эти движения социальных групп совершаются под давлением принудительного закона природы; в этом источник необходимости и закономерности всех исторических явлений” [Гумплович, 1895, с.74].

На возражения “моралистов”, не поддерживающих парадигму Л.Гумпловича, он отвечает в духе своей концепции, полагая, что его исследования являются прямым следствием законов природы. “Если бы даже социологии пришлось констатировать, что социальные группы ведут неумолимую борьбу за существование, разве следует отсюда, что социология повелевает отдельному человеку вести эгоистическую борьбу за существование? Это то же самое, как если бы врачу, констатирующему у больного неизлечимую болезнь, приписывали желание смерти пациента” [Гумплович, 1895, с.58].

В теории Л.Гумпловича личности, объединившись в социальные группы перестают в этих группах руководствоваться любыми другими

соображениями, кроме эгоистического стремления к подавлению и порабощению других социальных групп. По его мнению, "...у социальных групп в их взаимных отношениях, нет другой руководящей роли, кроме эгоизма..." [Гумплович, 1895, с.50]. В этих рассуждениях Л.Гумпловича социальное поведение людей, объединившихся в группы, видится автору как крайне эгоистичное агрессивное поведение, что предопределено, по его мнению, законами природы.

Утверждение Л.Гумпловичем социологии как самостоятельной науки, продолжение опыта системного подхода к изучению социальных групп внесло в социологию немало важных теоретических результатов по изучению формирования структуры социальных групп. Однако перенос акцентов с индивида на социальные группы (социальное поведение которых подчинено стремлению порабощать другие группы, и рассматривались автором как имеющие единственную функцию, которая выражается в бесконечной взаимной вражде) создавало внутренние противоречия его концепции, которые становятся очевидными, если сравнивать, его выводы о межсоциальных конфликтах и рассуждения, в которых он приводит способы формирования социальных групп.

В качестве примера превращения "сборища" в социальную группу Л.Гумплович приводит людей, пришедших на классическое представление, которым предлагают посмотреть другую, не заявленную организаторами программу. В этом случае, по мнению автора, люди объединятся в социальную группу, хотя бы для того, чтобы получить свои заплаченные за билет деньги обратно. Совершенно очевидно, что в этом случае никакого "порабощения" не предполагается, людей объединило в социальную группу стремление отстоять свои права, а не "стремления к господству", из чего

следует, что интерес, объединяющий личности в социальную группу, далеко не всегда соответствует “высшему закону социального развития”.

Согласно теории Л.Гумпловича личность может принадлежать нескольким группам, а социальные группы могут быть включены одна в другую. Но, в таком случае, нелегко представить действие “высшего закона развития”, т.к. личность, входя в одну социальную группу, должна стремиться к порабощению другой группы, к которой она также принадлежит. Не меньшие трудности возникают с добровольным включением одной группы в другую, обусловленное “общим главным жизненным интересом”; такое объединение будет весьма затруднительно, если эти группы должны имманентно стремиться к порабощению друг друга.

Формирование и устройство государств, по мнению Л.Гумпловича, также подчиняется его “высшему закону развития”: “...рост населения понуждает каждое общество подумать об умножении наличных средств существования...” [Гумплович, 1895, с.74]. При этом каждое государство заботится “об увеличении своих сил”, что приводит к необходимости увеличивать богатство для покрытия военных издержек, что приводит к столкновениям “разнородных” групп, при этом каждая стремится “извлечь выгоду из другой”.

Это судьба каждого государства, так как “в общей давке оно должно пробиться вперед, иначе окажется оттесненным назад, будет затерто” [Гумплович, 1895, с.75]. Конечно, трудно полностью отрицать наличие подобных тенденций, т.к. они имеют место в истории. Но этот процесс отражает, в основном, такой период истории, когда единственным источником “наличных средств существования” являлось натуральное хозяйство и, для их умножения, необходимо было расширять свои земельные

владения. Но и во времена земельной собственности, которые действительно отмечены бесконечными военными противостояниями социальных групп, возникала необходимость в объединении, хотя бы для совместной защиты от других социальных групп. Кроме того, развитие товарного производства, также во многом конфликтное, внесло, тем не менее, новые, более миролюбивые тенденции, т.к. увеличение наличных средств существования могло уже происходить не за счет расширения земельных владений, а путем увеличения товарного производства.

Внутри государства Л.Гумплович также отмечает борьбу между “господствующими и управляемыми”, взаимоотношения которых, по его мнению, определяют судьбу и развитие каждого государства. Но, если бы социальное поведение, направленное на борьбу, являлось единственной имманентной тенденцией внутренних взаимоотношений между социальными группами, государство не могло бы существовать как единое целое.

Некоторые представители социал-дарвинистской школы видели возможность снижения напряженности социальных конфликтов. Например, Г.Ратценхофер предполагал наличие в обществе тенденций к уравниванию интересов, явившихся причиной конфликтов [Ratzenhofer, 1988], однако “борьба за существование”, как эндогенно детерминированное агрессивное социальное поведение, актуализирующееся в борьбе между индивидами и группами, является основой теоретических построений всех представителей этого направления.

Причины ошибочного подхода к социальному поведению в человеческом обществе, которые положили основу своей парадигмы социал-дарвинисты, заключаются в том, что исследователи использовали в своих теориях только один аспект теории эволюции - внутривидовую борьбу,

причем только крайнюю ее форму, в результате чего человек и взаимоотношения в человеческом обществе предстают как непрерывная борьба между индивидами и разнообразными объединениями.

Таким образом, в работах социал-дарвинистов социальное поведение человека представлено как жестко детерминированное эндогенной “животной” программой внутривидовой борьбы.

Если кратко рассмотреть представления биологии о теории эволюции, на основе которой, по утверждению социал-дарвинистов, они строили свои теории и, в частности, формулировали свои представления о социальном поведении человека, то окажется, что основой эволюционного учения действительно является представление о том, что движущими силами эволюции является борьба за существование. Поскольку борьба за существование не ограничивается внутривидовой и межвидовой борьбой или адаптацией к географической среде, а заключается в выживании за счет приспособления организмов ко всему комплексу условий существования, акцент социал-дарвинистов на внутривидовой борьбе искажает эволюционное учение. При этом такие аспекты человеческих особенностей и взаимоотношений, как солидарность, взаимопомощь, самопожертвование, которые также являются различными гранями борьбы за существование и также не могут исключаться при изучении социального поведения, выпали из поля зрения исследователей. Разнообразие условий существования организмов приводит к тому, что на протяжении некоторых отрезков времени какие-то факторы могут преобладать и запускать соответствующие им эволюционные механизмы, что и ведет к неравномерности и разнообразию форм развития.

В соответствие с эволюционными механизмами процессы, происходящие в человеческом обществе, так же весьма разнообразны: есть и внутривидовая борьба, основанная на конфликтах, и солидарность, и взаимопомощь, и конкуренция, но это всего лишь разные

границы внутривидовых взаимоотношений, которые наряду с адаптацией к условиям дикой природы, с миграционными процессами, трудовой деятельностью, культурными традициями являются частными случаями борьбы за существование.

В процессе изучения изменений, происходящих в человеческом обществе и социального поведения обеспечивающего эти изменения, мы имеем дело с особенностями и изменением социального поведения в зависимости от особенностей окружающей среды, с приспособлением к окружающей обстановке в основном на основе уже имеющихся генетических возможностей. Адаптация - часть эволюционного процесса. С приспособления к новым условиям обычно и начинается процесс эволюции, так как если животное к новым условиям не приспособилось, то о последующих генетических изменениях говорить просто бессмысленно.

Но не следует думать, что обычный естественный отбор уже не имеет места в человеческом обществе, несомненно, он продолжается, как на индивидуальном уровне, так и на популяционном (между различными группами). Неважно, какие причины вычеркнули человека, не достигшего преклонного возраста, из жизни - наследственные заболевания, добровольное решение или нарушение правил дорожного движения, почти в любом случае человек оказался менее приспособленным, чем те кто пошел его хоронить.

Массовая гибель людей также является неотъемлемой частью жизни нашего вида. При этом неважно, что именно послужило причиной массовой гибели - агрессия соседнего государства или агрессия самого государства против соседа, этнические или религиозные конфликты внутри общества, внутренняя кровавая диктатура или массовые эпидемии. Будь то неуспех

дипломатии или отсутствие надежных союзников, слабая армия, религиозный фанатизм, или несоблюдение правил гигиены - все это - нарушение адаптивных механизмов общества, в том случае, конечно, если оно привело к резкому сокращению численности населения. Если же эти потери компенсируются высокой рождаемостью то, как это ни цинично звучит в отношении человека, общество предоставляет материал для естественного отбора, что дает надежду на появление людей, способных и желающих предложить и осуществить адаптивно более удачную формулу общественного бытия, предполагающую такое изменение социального поведения, которое способствовало бы более гармоничному взаимодействию людей между собой и своей средой обитания.

Человек, как и все прочие организмы биосферы, вынужден приспособливаться не только к капризам природы, но и в не меньшей (или даже в большей) степени к изменениям вносимым им же самим. Социальное поведение играет в этом процессе приспособления очень важную роль, и, как видно из краткого обзора эволюционных представлений, если за основу социологических исследований принимать теорию эволюции, на чем настаивали социал-дарвинисты, то социальное поведение представляется весьма разнообразным и отнюдь не ограниченным борьбой индивидов и групп между собой.

Но социал-дарвинисты, не достаточно глубоко ознакомившись с теорией эволюции, настаивали на том, что ее движущими силами является физическая борьба, вследствие чего социальное поведение, представленное как детерминированное эндогенной агрессивной программой не соответствует теории эволюции.

Дальнейшее развитие социологических школ биологизаторской направленности привело к созданию расово-антропологического

направления в социологии, приверженцы которого придерживались идеи о превосходстве одних человеческих рас над другими. Это направление опиралось на данные теории эволюции и учения о наследовании разнообразных признаков организма, открытых биологией.

Один из первых представителей расово-антропологической школы французский ученый Ж.-А.Гобино изложил систему своих взглядов в книге "Опыт о неравенстве человеческих рас", которая послужила в дальнейшем фундаментом для всего расово-антропологического направления. Ж.-А.Гобино обосновывал неравенство человеческих рас и рассматривал их как главнейший фактор, обеспечивающий историческое и культурное развитие человечества.

Различие рас, по мнению Ж.-А.Гобино, не только внешние физические, (Ж.-А.Гобино рассматривал такой показатель как "красота"), но и психологические. По его мнению, есть расы, которые в большей или меньшей степени способны осваивать культуру, при этом развитие в культурном отношении слабо развитых в настоящее время народов, оказывается невозможным [Gobineau, 1884, p. 179].

Ж.-А.Гобино выделял три "чистые" расы (черную, желтую и белую), признавая так же наличие смешанных типов. Самой низшей расой признавалась черная, самой высшей – белая, желтая же занимала промежуточное положение. Однако только белая раса, по мнению Ж.-А.Гобино, имеет способность к развитию, причем наиболее способной к прогрессу признавалась не вся белая раса, а ее часть, так называемая "арийская раса", причем и арийская раса неоднородна и имеет свою элиту – германцев, которые, как утверждает автор, и создали все основные человеческие цивилизации. Для того, чтобы обосновать эту идею,

Ж.-А.Гобино делает исторический обзор, в котором доказывает, что все мировые цивилизации созданы исключительно “арийской расой”, причем самые известные цивилизации создавали германцы, которые каким-то непостижимым образом оказывались, по Ж.-А.Гобино, везде где только зарождалась цивилизация. [Gobineau, 1884, pp.214–223]. Остается только удивляться, как при таком повсеместном расселении по земному шару, арийцам удавалось сохранить “чистоту расы”, не смешиваясь с другими народами, т.к. по мнению Ж.-А.Гобино, “смешение крови” неизбежно приводит к вырождению расы и к общему упадку.

Впрочем, по мнению Ж.-А.Гобино, смешение происходит, и отмечено все большим и большим однообразием и застоём, который все нарастает и неизбежно приведет полному упадку. Будущее человечества видится Ж.-А.Гобино весьма мрачным. “Нации - нет, стада человеческие, погруженные в угрюмую дремоту, будут жить, оцепенелые в своем ничтожестве, как буйволы, жующие свою жвачку на стоячих лужах Понтийских болот” [Gobineau 1884, t. 2, p. 561]. В дальнейшем, по мнению Ж.-А.Гобино, человечество ждет полное вымирание [Gobineau 1884, t. 1, pp. 137-144].

Изыскания Ж.-А.Гобино получили дальнейшее развитие в трудах других ученых. В Германии последователем Ж.-А.Гобино стал Х.С.Чемберлен (1855-1927), который продолжил развитие идей о германской культуре, как высшем достижении цивилизации [Chamberlain, 1899].

Х.С.Чемберлен провозгласил высшей арийскую расу, которую, по его мнению, воплощает “нордический тип” - высокие белокурые долихоцефалы. Так же как и Ж.-А.Гобино, Х.С.Чемберлен связывал все культурные достижения человечества, прогресс и развитие цивилизаций с германцами,

которые, по его мнению, являются наиболее “чистыми” представителями нордического типа, обусловленного биологическими особенностями, устанавливающими природные различия как физические, так и культурные, поведенческие и интеллектуальные. Основой для утверждения этих различий Х.С.Чемберлен, конечно, называет теорию Ч.Дарвина. “Ибо различие есть закон природы, и Дарвин проследил тенденцию к расхождению у всех живых форм, даже там, где первоначально господствовала однородность” [Чемберлен, 1913, с. 23].

В своей книге “Арийское мировоззрение” Х.С.Чемберлен декларирует необходимость вернуться к чистоте расы и чистоте мысли, “...знакомство с древнеарийской мудростью должно будет иметь значение не простого прироста исторического материала, но и повышения жизненной энергии”. [Чемберлен, 1913, с. 31].

Попытку научно обосновать идею превосходства арийской расы предприняли О.Аммон, и Ж.Ляпуж, которые, используя антропометрические измерения (“краниальный индекс”), пытались обнаружить связь между антропометрическими параметрами и уровнем интеллектуальных способностей и поведенческих особенностей человека.

Проведя измерения нескольких десятков тысяч человек, они пришли к мнению о том, что брахицефалы, как правило, проживают в деревне и имеют более низкий социальный уровень, чем долихоцефалы, которые, как правило, проживают в городах. Долихоцефалы, таким образом, признаны авторами, как более одаренные, развитые и ценные представители человечества. Общество, по мнению О.Аммона и Ж.Ляпужа, развивается до тех пор, пока соотношение долихоцефалов и брахицефалов в обществе не начнет снижаться пользу последних, что неизбежно ведет к упадку.

О.Аммон и Ж.Ляпуж обосновывали свою теорию действием естественного отбора (или социального отбора). По их мнению, долихоцефалы, как более одаренные, возводятся отбором на более высокий социальный уровень, из них формируется правящая и интеллектуальная элита общества, проживающая в городах. Брахицефалы опускаются на нижние социальные уровни и отсеиваются отбором в сельскую местность, в которой являются преобладающим вариантом [Ammon, 1893], [Laponge, 1909].

Таким образом, в расово-антропологических теориях социальное поведение оказывается жестко детерминировано расовой принадлежностью. Чем “чище” представители арийской расы, тем более их социальное поведение способствует общественному прогрессу и культурному развитию. При этом показателем (маркером) более культурного и прогрессивного поведения оказываются или белокурость и высокий рост, или головной указатель, т.е. декларируется сцепленное наследование большей способности к усвоению культуры и прогрессивного социального поведения с физическими параметрами.

Однако произведенные антропометрические измерения не могут служить доказательством наличия такого сцепленного наследования, т.к. масса городского и сельского населения далеко неоднородна по своему социальному поведению, что обусловлено не только генетически, но и влиянием среды, однако в работах данных ученых это почти не учитывается. Для подтверждения такого сцепленного наследования могли бы быть использованы известные методики, применяемые для определения наследования интеллектуальных показателей. Например, можно было бы сравнить людей, имеющих соответствующие физические показатели, но

выросших и проживающих в среде, обозначенной авторами как соответствующая другим показателям (например долихоцефалов в деревне и брахицефалов в городе) с теми, кто, по мнению авторов, проживает в соответствующих для них условиях [См. например: Эрман, Парсонс, 1984]. Но для такого сравнения необходимы более четкие и, главное, измеряемые показатели, чем способность к усвоению культуры, социальному поведению, способствующему прогрессу общества или общей одаренности.

Поскольку подобные измерения не проводились, то ни о каком сцепленном наследовании и вообще о генетической обусловленности социального поведения долихоцефалов и брахицефалов говорить не приходится. Впрочем, антропологи высказывают большие сомнения в качестве экспериментов, проведенных О.Аммоном и Ж.Ляпужем, которые, по мнению антропологов, проводились совершенно неправильно [например: Рогинский, 1938].

Провозглашая превосходство одной расы над другой, представители расово-антропологической школы указывали, что источником их идей является биология и, в частности, теория эволюции, на чем особенно настаивали О.Аммон и в еще большей степени Ж.Ляпуж. Однако теория эволюции ничего не говорит о каком бы то ни было превосходстве одного вида над другим, и, тем более, какой-либо расы одного и того же вида над другой. Безусловно, есть виды устроенные более сложно и менее сложно. Есть виды быстро прогрессивно развивающиеся, усложняя свое строение, а есть изменяемые незначительно. Но для биолога, понятие "прогресс" весьма условно, так как эволюционный процесс подразумевает как прогресс, так и регресс. Для успешного существования вида наличие или отсутствие

изменений, прогресс или регресс не имеют никакого значения, главное - адаптация.

Но и адаптация весьма условное благо, т.к. чем лучше вид адаптирован к конкретным условиям, тем труднее будет приспособиться к новым, в случае возникших изменений. Поэтому наличие биологических основ в расово-антропологических исследованиях не соответствует действительности.

Под влиянием расово-антропологических идей находился другой немецкий ученый Л.Вольтман, который также декларировал биологические основания, создавая свою “политическую антропологию”.

Изучая теорию эволюции Ч.Дарвина и сравнивая ее с теорией социально-экономического развития К.Маркса, Л.Вольтман не обнаружил общих оснований этих теорий. “Скорее они усматривали великую общую основную мысль в *идее развития*, которая управляет как формами животных видов, так и формами человеческих обществ таким образом, что органическое и общественное развитие находится в известном отношении друг к другу, и что здесь именно узел вопроса об отношениях естественной истории к истории культуры” [Вольтман, 1900, с.7].

Понимая необходимость продвижения от общих идей развития к поискам единых теоретических оснований, Л.Вольтман изучал теорию эволюции, пытаясь использовать ее закономерности применительно к развитию общества.

По его мнению, “законы мышления и законы природы тождественны. Именно генетическое исследование должно обнаружить проблему единства законов природы и духа; оно указывает на положительное психофизическое развитие *духа в человеке и природы в животном* и определяет тот пункт, в котором законы природы и законы мышления взаимно примыкают друг к

другу и проявляются как один и тот же закон действительности” [Вольтман, 1901, с.34].

В целом Л.Вольтман правильно понимал эволюционный смысл борьбы за существование. “Выражение “борьба за существование” употреблено Ч.Дарвином в фигуральном смысле. Оно выражает тот естественный факт, что каждое органическое существо стремится сохранить самого себя, является самоцелью; и это сохранение своего существования и, в более широком смысле воспроизведения приводит к соперничеству с другими существами, в котором побеждает и переживает вообще более приспособленный, в частности сильнейший организм” [Вольтман, 1900, с. 260].

При этом Л.Вольтман осознает, что “борьба бывает *прямая* или *косвенная*, т.е. организмы меряются силами в активной борьбе, или какая-нибудь внешняя сила одинаково теснит всех, уничтожая слабейшего” [Вольтман, 1900, с.260].

Исследуя различные формы разделения труда Л.Вольтман отмечает разделение между полами и разными возрастами, делая однако акцент на “третьей форме разделения труда”, которая, по мнению автора, “...покоится на *происхождении*, на качестве рас, племен, семей и индивидуумов, которые, ... отличаются друг от друга в частности различными органическими, инстинктивными и интеллектуальными дарованиями” [Вольтман, 1905. с.198].

Таким образом, социальное поведение человека, связанное с трудовой деятельностью, оказывается жестко детерминировано наследственными факторами, при этом нет никаких указаний на какие-либо внешние факторы.

Обоснование наследственных эндогенных оснований социальной дифференциации общества Л.Вольтман находит в убеждении, что “...индивидуумы отличаются друг от друга различными степенями своих мыслительных способностей, силой энергией и характером, поэтому наиболее выдающиеся из них призваны быть вождями и повелителями своих современников и потомства” [Вольтман, 1905 с.198].

Конечно, с местом, отведенным “наиболее выдающимся”, можно спорить, но наличие таких индивидуальных особенностей у индивидуумов трудно отрицать. Однако обоснование Л.Вольтманом индивидуальных различий исключительно наследственными факторами “физиологическими законами” обосновывается теорией Ч.Дарвина - “...но только Д а р в и н впервые научил нас глубже понимать эти физиологические законы” [Вольтман, 1905, с.199].

Развивая свою концепцию Л.Вольтман как бы “забывает” фигуральность смысла выражения “борьба за существование”, которую сам же отмечал; “забыто” так же, что “борьба бывает *прямая* и *косвенная*”, зато упор делается на выживание сильнейшего, что сам он предлагал рассматривать как частный случай. Вследствие такого подхода, частный случай стал у Л.Вольмана всеобщим и единственным. “Стремление к отделению, взаимный натиск и совместное действие общественных сил – вот естественные рычаги человеческого прогресса” [Вольтман, 1905, с.200]. Объясняет автор эти процессы действием естественного отбора. “Тут происходит естественный отбор в борьбе за существование расы, племени, родов, семей и индивидуумов, который господствует над социальной историей человеческого рода” [Вольтман, 1905, с.198].

По его мнению, выживают в этой борьбе в среднем “лучшие”, но иногда случается, что и погибают в силу неблагоприятных обстоятельств. Однако в теории эволюции, которую Л.Вольтман декларирует как основу своих исследований, нет оценок кто выживает “лучшие” или “худшие”, говорится только о наиболее приспособленных.

Л.Вольтман рассматривает социальную дифференциацию на касты, формирование рабства, различных сословий, как результат непрерывной борьбы за выживание. По его мнению, “лучшие” оказывались победителями и объединялись в высшие сословия. Впоследствии борьба за существование в человеческом обществе перешла в экономическую борьбу – конкуренцию. Таким образом, рассматривая разнообразные социальные процессы, Л.Вольтман видит только “частный случай” - выживание сильнейшего, вследствие чего социальное поведение направлено на обеспечение этого выживания.

Исследуя формирование социального поведения, Л.Вольтман оставляет очень немного возможностей для влияния внешней среды на этот процесс. Он, например, рассматривая статистику наследования каких-либо профессий (врачи, юристы и т.д.), не отрицает традиции и привычки в отношении передачи по наследству занятий, но при этом подчеркивает приоритет генетического наследования способностей.

Несмотря на то, что к лучшим представителя общества Л.Вольтман относит высшие сословия, он вынужден отметить, что “...гениальные люди Германии конца средних веков вышли из низших сословий” [Вольтман, 1905, с.227]. Но из этого несоответствия исторических фактов и его расовой теории, Вольтман находит выход, утверждая, что “органическое возникновение великого гения не связано, безусловно, с определенным

социальным состоянием, но только с расой. Если в низших слоях общества сохранились семьи даровитой расы, то из них могут явиться выдающиеся гении” [Вольтман, 1905, с.227].

Таким образом, процесс наследования Л.Вольтман представляет в весьма упрощенном виде. Из чего видно, что такие генетические процессы, как например рекомбинация генов, Л.Вольтманом игнорировались. Такое ошибочное представление о законах наследования привело Л.Вольмана к убеждению, что “биологическая история человеческих рас есть истинная и основная история государств”. Поэтому автор ставит задачу: “обосновать, каким образом политические правовые учреждения и правовые представления выросли из биологического процесса рас” [Вольтман, 1905, с. 3-4]. Расы, исходя из этой концепции Л.Вольмана, биологически неравноценны и не все расы одинаково способны к прогрессивному развитию. По его мнению “...стремление сделать негров и индейцев способными к настоящей цивилизации не имеет шансов на успех” [Вольтман, 1905, с. 210].

Высшей расой Л.Вольтман признает “германскую расу”, которая “...призвана охватить земной шар своим господством, - использовать сокровища природы и рабочей силы и включать пассивные расы как служебный член своего культурного развития” [Вольтман, 1905, с. 307].

Таким образом, в теории Л.Вольмана, поведение человека оказывается жестко детерминировано эндогенными, неизменяемыми наследственными факторами, обусловленными расовой принадлежностью. Социальные процессы и групповое социальное поведение также представляется автору как детерминированные экзогенными факторами. При этом ведущая роль в социальном поведении отводится естественному отбору, понимаемому

весьма ограничено, как выживание физически сильнейшего и основывается на представлении о том, что человек – это существо “...– не только живущее в общении, но и обладающее стремлением к господству животного” [Вольтман, 1905, с. 228].

Такой подход связан с неправильным пониманием автором законов наследования и развития биологических организмов биосферы Земли. Эти законы не предполагают какого-либо превосходства одной расы (или вида) над другой, не утверждают безусловного сцепленного наследования поведенческих признаков с морфологическими параметрами, доказывают сложность и неоднозначность наследования признаков (и особенно поведенческих), что не дает возможность утверждать передачу по наследству особенностей социального поведения (рекомбинации генов, дрейф генов, влияние среды, мутации [Грант. 1980]).

Еще один из представителей расово-антропологического направления, основоположник евгеники Ф.Гальтон уделял особое внимание в своем творчестве индивидуальным наследственным различиям между людьми и наследственной детерминированностью таланта [Гальтон, 1875, с.15]. В своей книге “Наследственность таланта, ее законы и последствия” Ф.Гальтон, опираясь на данные статистического анализа, рассматривает талант как фактор, обусловленный наследственностью.

“Из двух факторов индивидуальных различий – среды и наследственности – решающую роль Ф.Гальтон отводил последней” [История теоретической социологии, 1997, т. 1, с. 307].

По его мнению, воспитание (как фактор среды) имеет весьма малое влияние на становление личности человека и развитие его деятельности в различных областях. “Я вполне признаю важное значение воспитания и

различных общественных влияний на развитие деятельных сил ума, так же, как я признаю действие упражнений на развитие мышц руки кузнеца, - но никак не более” [Гальтон, 1875, с.3].

Действительно, способность к какой-либо деятельности может иметь наследственную предрасположенность, однако, выражаясь словами самого же Ф.Гальтона, “никак не более”.

Увлечение Ф.Гальтона идеей наследования талантов привела ученого к выводам о возможности выведения особой “расы” людей, необыкновенно одаренных во многих отношениях. Однако эти выводы оказались весьма далеки как от теории Ч.Дарвина, так и от науки о наследственности. “Если таким образом, путем тщательной селекции можно довольно легко вывести устойчивую породу собак или лошадей, то, по-видимому, возможно также путем тщательно скоординированных браков добиться появления расы высокоодаренных людей, которая в интеллектуальном и моральном отношениях настолько же превосходила бы современных европейцев, насколько современные европейцы превосходят низшие негритянские расы” [Galton, 1910].

Действительно, устойчивые новые породы собак и лошадей люди получают уже давно, хотя трудно согласиться с тем, что это “довольно легко”. Но при этом следует учитывать, что скорость размножения этих животных гораздо выше скорости размножения человека, вследствие чего можно получить достаточно материала для дальнейшего отбора. Кроме того, отбор ведется, как правило, по физическим, вполне определенным параметрам, которые обычно довольно жестко закодированы наследственной информацией.

Для того чтобы представить даже гипотетическую возможность проведения отбора, необходимо точно обозначить параметры, по которым будет вестись отбор. Нельзя отбирать, например, “лучших” кур для выведения породы, надо точно определить, по каким параметрам они лучшие – по яйценоскости, морозоустойчивости или цвету оперения. Причем чем больше параметров выбирается для отбора, тем проблематичнее получить желаемый результат. Но наследование многих поведенческих особенностей гораздо сложнее и являются результатом взаимодействия комплекса разнообразных факторов как наследственных, так и обусловленных влиянием среды.

Ф.Гальтон предлагает проводить отбор на “высокую одаренность”, но что такое “высокоодаренные люди”? Высокоодаренные во всем, или только в какой-то определенной области? “Высокоодаренный человек” - это слишком расплывчатая формулировка, чтобы можно было хотя бы гипотетически предположить потенциальную возможность отбора, не говоря уже о моральной стороне дела. Но, если в качестве уточнения принять, что отбор будет вестись на интеллект и высокую мораль, то следует заметить, что мораль вообще не кодируется генетически, так как является не наследственным показателем, а приобретенным в процессе жизни под действием другого фактора – среды, поэтому никакому “отбору” не подлежит. Кроме того, моральные нормы весьма подвержены изменениям и зависят от состояния общества, изменяются во времени и даже в одно время в одном обществе существуют группы людей, которые придерживаются различных моральных норм. Если, например, Ф.Гальтон в качестве образца высокой морали предложил бы себя, то для своего времени и своего круга общения он, возможно, таковым и являлся, но согласно современным нормам

морали его, как автора “Генов и таланта”, нелегко признать образцом высокой морали.

Действительно, генетика поведения утверждает, что многие поведенческие особенности имеют наследственную природу. Изучение различных групп животных от бактерий до приматов убедительно свидетельствует о наличии генетического контроля над самыми разнообразными поведенческими реакциями. Изучать генетику поведения человека значительно сложнее, так как большинство методов, используемых для животных, к человеку неприменимы из этических соображений. И все же исследования ведутся весьма энергично, разрабатываются новые методики, накапливаются факты.

Конечно, современному человеку хотелось бы верить, что, в отличие от других животных, все его действия являются исключительно актами свободной воли и что он сам, таким образом, определяет собственную судьбу. Однако странно прозвучало бы такое предположение, что генотип, контролируя огромное большинство физических параметров, не оказывает никакого влияния на поведение человека, хотя сами физические показатели такое влияние оказывают. Впрочем, крайне ярко выраженные примеры генетического контроля над поведением человека известны уже давно. Например, синдром Дауна, при котором появление добавочной хромосомы вызывает физические уродства, а также замедленное умственное, физическое и половое развитие. Встречаются и другие хромосомные изменения, оказывающие сильное влияние на поведение. Как известно, у человека имеется две половые хромосомы XX “женщины” и XY “мужчины”. Однако, встречаются женщины с кариотипом XXX, XXXX и даже XXXXX, но, к сожалению, такие индивиды не отличаются сверхженскими качествами,

более того, женщины с кариотипом XXX отличаются снижением коэффициента умственного развития, а с кариотипом XXXX и XXXXX серьезными умственными расстройствами и неспособны иметь детей [Эрман, Парсонс, 1984, с.99]. Мужчины с "кариотипом XYU - это в высшей степени безответственные и инфантильные индивидуумы, у которых склонность к преступности проявляется в очень раннем возрасте". Такой вывод сделали Прайс и Уотмор, изучая заключенных в больнице одной из тюрем Шотландии [Эрман, Парсонс, 1984, с.99].

Кроме перечисленных выше известно множество различных хромосомных аномалий, оказывающих существенное влияние на поведение. Трудно себе представить, чтобы связь между генотипом человека и его поведением ограничивалась столь серьезными хромосомными патологиями, логичнее было бы предположить, что генетический контроль над поведением осуществляется не только в случае генетических аномалий, но и в нормальном состоянии. В настоящее время наука уже располагает экспериментальными данными о влиянии генотипа на такие важные поведенческие признаки как: беглость речи, способность к пространственному воображению, внимательность и т.д. Особенно много работ посвящено влиянию генетической программы на интеллект в связи с его большим влиянием на общую структуру личности.

Поскольку Ф.Гальтон предлагал интеллект в качестве одного из параметров, по которому, по его мнению, следует вести отбор, процитируем выводы, сделанные Уилсоном на основании многолетних исследований близнецов, воспитывающихся в различных условиях. "Индивидуальные различия интеллекта у людей никогда не будут сглажены, несмотря на все совершенства методов и энтузиазм воспитателей. Генотипически

обусловленные различия имеют слишком глубокие корни, чтобы их могла устранить специальная тренировка. Но максимальная реализация умственных способностей каждого ребенка - цель вполне реальная..." [Эрман, Парсонс, 1984, с.202]. Аналогичные выводы можно сделать на основании знакомства с исследованиями, проведенными с целью выяснения зависимости умственных способностей детей от умственных способностей их истинных родителей и приемных. Оказалось, что умственные способности детей в любом случае гораздо ближе к их истинным родителям, чем к усыновителям и почти не отличаются по своим показателям от детей, воспитанных в родных семьях [Эрман, Парсонс, 1984, с.412].

Однако, несмотря на зависимость интеллекта от наследственной предрасположенности, отбор по этому показателю малоперспективен, так как интеллект далеко не всегда является показателем высокой одаренности в какой-либо области. Например талант музыканта или художника, вряд ли может быть жестко связан с наличием высоких показателей интеллекта. Для одаренности во многих областях оригинальность мышления или интуиция бывают более важным условием нежели высокие интеллектуальные показатели. Кроме того есть множество проблем связанных с оценкой интеллекта [Айзенк, 1994].

И все же, следуя логике приведенных выше фактов, трудно не сделать вывод, что поведение человека и социальное поведение в частности, в значительной степени зависит от заложенной в него генетической программы. Разумеется, определяется не само поведение, а *предрасположенность* к определенного рода действиям, но насколько эта программа будет реализована, зависит от окружающей среды.

Но даже если бы Ф.Гальтон и его единомышленники действительно занялись, улучшением человеческой “расы” и генетика дошла бы до такого совершенства, что можно было бы у новорожденных учитывать все желательные и нежелательные наклонности, ему пришлось бы решать сплошь и рядом возникающие дилеммы: кто больше нужен - гениальный эгоист или умственно отсталый альтруист.

Согласно законам генетики иногда один ген кодирует несколько признаков, бывает, что несколько генов контролируют один признак, к тому же имеется сцепленное наследование, когда несколько признаков передаются совместно. Кроме того, каждый новый организм далеко не полностью повторяет родительские формы. Всегда в процессе оплодотворения возникают случайные мутации, которые предсказать невозможно, как невозможно предсказать какие именно гены передадутся потомству, а какие нет (можно только на основании законов статистики ожидать это с той или иной долей вероятности). Большое влияние среды на проявление поведенческого признака и огромное количество генов дают самые разнообразные варианты живых организмов, каждый из которых уникален и человек в этом не является исключением. Все это результат взаимодействия большого числа случайных событий, которые не оставляют никакой надежды на возможность получения при помощи отбора личностей с заданными параметрами поведения. Поэтому предлагаемые Ф.Гальтоном способы выведения “высокоодаренного человека” не могут рассматриваться как реально возможные.

Даже, если бы генетика позволила избавляться от случайностей при формировании генотипа каждого человека с помощью генной инженерии, это не намного улучшило бы положение. Если бы не просто проводилась

коррекция генотипа, а заранее при помощи компьютеров рассчитывались оптимальные варианты и собирались хромосомы *in vitro*, полностью формируя и собирая генотип каждого человека, осталась бы проблема борьбы с непредсказуемыми, случайными событиями, происходящими в окружающей среде и оказывающими влияние на реализацию генетической программы.

Хорошо известно, что даже люди, обладающие одинаковым генотипом - монозиготные близнецы - и воспитывающиеся в одной семье, иногда реализуют эту программу очень неоднозначно, что в большей степени зависит от дальнейших условий существования. Поэтому даже стандартная, заранее рассчитанная среда, в которой происходили бы начальные фазы формирования личности, не гарантирует от воздействия разнообразных факторов среды в дальнейшем.

Это обстоятельство делает беспочвенными тревоги или надежды общественности о том, что при помощи клонирования удастся создать сотни “бен ладанов”, “гитлеров”, или “моцартов”, т.к. даже если удастся в точности воспроизвести один фактор – генетическую информацию, то второй фактор, формирующий личность – разнообразные, во многом случайные и непредсказуемые воздействия среды в точности воспроизвести не удастся. А следовательно, полученная методом клонирования личность хотя и будет иметь похожие черты с человеком, от которого получена генетическая информация, но так же, как близнецы, будет различна с этой личностью по многим личностным показателям, т.е. это будет совсем другая личность с иным социальным поведением.

Кроме того, многие качества личности проявляются в зависимости от обстоятельств и порой весьма неожиданно. И то, что в одном случае мы примем за добродетель, в другой обстановке будет расценено как порок.

Влияние среды настолько велико, что невозможно предсказать, как наследственные способности реализуются в реальной жизни. Например, такой простой природный дар, как ловкость рук, может реализоваться в жизни по-разному. Человек может стать и талантливым иллюзионистом и вором-карманником, что во многом зависит от влияния окружающей среды, которая формирует моральные установки личности. Если же предполагать этому дару более сложное применение, например в музыке, то для этого потребуются еще и музыкальные способности.

Еще более сложно предсказать область реализации личностью своих умственных способностей в социальном поведении, не говоря уже о том, что “умственные способности” имеют множество составляющих, по которым вести одновременно отбор невозможно.

Кроме того, следует отметить, что любая стандартизация генофонда человека была бы чрезвычайно вредна, вследствие того, что снижала бы его адаптивную ценность, т.к. огромное разнообразие условий существования человека требует, соответственно, неограниченного разнообразия человеческих способностей.

Однако Ф.Гальтон, не понимая всю утопичность своих проектов и их научную несостоятельность, призывал общество не жалеть средств на “улучшение” своей “расы”. “Если бы одна двадцатая доля стоимости и труда, которые тратятся на улучшение пород лошадей и собак, была затрачена на улучшение человеческой расы, какую галактику генов мы могли бы создать” [Galton, 1910].

Конечно, в своих научных воззрениях и представлениях о моральных нормах Ф.Гальтон был не одинок. Некоторые его единомышленники развивали его идеи дальше, обосновывая право на геноцид “слабых рас”.

Например, экономист А.Тилле утверждал “...право сильной расы уничтожать слабые” и считал что “человек принадлежит природе, как любое растение или животное, а природа не знает сострадания” [Tille, 1893, s 27-28].

Дело в том, что биологическая основа организмов представляется многими гуманитарными исследованиями как некий внутренний фактор, жестко программирующий организм человека и, в частности, его поведение. Как некая имманентная предопределенность, очень мало зависящая от условий среды, взаимоотношения с которой носят характер физической борьбы за выживание. Это привело ученых к теоретическим построениям, ограниченных исследованием **эндогенной** природы формирования личности человека и его социального поведения. Такой подход характерен для многих социологических теорий, декларирующих биологические основы своих построений. Но на самом деле такие теории базируются не на действительных открытиях биологических наук, а на собственных представлениях исследователей об этих открытиях, которые не соответствуют законам теории эволюции.

Подобные идеи, не имеющие ничего общего с научным знанием, появившиеся под влиянием социал-дарвинизма, приняли крайние формы утопического идеализма, связанного с признанием крайнего несовершенства человеческой природы, нуждающейся в “улучшении” самыми жестокими мерами.

“Появившаяся позднее и определившая второй период существования социал-дарвинизма пессимистическое течение приобрело жестокие и агрессивные черты. Его представители выдвинули различные тезисы о

“вырождении” человечества, а так же изуверские, антигуманистические, агрессивные программы возрождения принципов “естественного отбора” и проведения искусственной селекции в обществе. В условиях капиталистической Германии на рубеже XIX-XX вв. оно приобрело самые реакционные формы и широкое распространение, став основой фашистской идеологии” [Вернеке, 1981, с.63].

“Как составная часть фашистской идеологии, социал-дарвинизм служил для подготовки и оправдания фашистской экспансионистской политики, истребления целых народов, бесчеловечного массового уничтожения антифашистов и чуждых арийской расе элементов”[Вернеке, 1981, с.58-59].

Таким образом, идеи биологического редукционизма явились “научной” базой для обоснования фашистской идеологии. В дальнейшем любой исследователь, предпринявший попытку использовать биологические закономерности для объяснения социального поведения, рисковал быть немедленно обвиненным в редукционизме, социал-дарвинизме, биологизаторстве, что весьма затрудняло исследования в этом направлении.

Авторы редукционистских теорий, выбрали за основу своих теоретических построений не декларируемые ими биологические законы, а собственные ошибочные представления об этих законах, вследствие чего акцентировали свое внимание на эндогенных факторах, детерминирующих на их взгляд социальное поведение.

В конце XIX начале XX веков в российской науке сформировалось направление, основанное на точном изучении теории эволюции и использовании ее законов в социальных исследованиях, что стало основой

для критики социологических концепций, строившихся под влиянием теории эволюции, но без достаточного понимания ее законов. Представителями этого направления являются такие ученые как М.Ковалевский, В.Вагнер, Л.Мечников.

Одним из центральных понятий в трудах М.Ковалевского является общественная замиренность, поэтому особое внимание М.Ковалевский уделяет критике концепций, в которых борьба за существование противопоставляется консолидирующим тенденциям, солидарности, взаимопомощи. М.Ковалевский подчеркивает, что представления некоторых ученых о противоположности этих тенденций учению Ч.Дарвина, происходит от недостаточного знакомства с теорией эволюции. Понятие Л.Гумпловича и Т.Гоббса о человеке, как крайне агрессивном животном, социальное поведение которого направлено на завоевание, подавление, уничтожение себе подобных, не находит поддержки в трудах М.Ковалевского. По его мнению, изображение этими учеными истории человеческого общества как бесконечной войны, направленной на уничтожение себе подобных «...за исключением специальных и преходящих периодов открытого междуусобия, далеко не отвечает картине «войны всех против всех». В противном случае, неизбежным последствием было бы взаимное истребление и совершенное исчезновение отдельных родов и племен» [Ковалевский, 1910 с.140]. М.Ковалевский отмечает, что такие случаи бывают, «...но все же при нормальном течении жизни межродовые отношения рисуются нам скорее в форме отмщения родом роду частных обид, нежели в форме воинственных походов и повальных истреблений». [Ковалевский, 1910, с.140] При этом автор подчеркивает, что подобные тенденции взаимоотношений, направленные на полное истребление отсутствуют не только у человека, но и у других животных, т.е. представления Л.Гумпловича и Т.Гоббса не соответствуют реальным эволюционным процессам, происходящим в биосфере Земли.

Действительно, с точки зрения современной теории эволюции не понятно, как такое безудержное агрессивное поведение могло сформироваться и закрепиться в процессе эволюции. Т.е. для чего животным могло бы понадобиться тратить энергию и силы на простое уничтожение, причем с риском для собственной жизни (или без такового), так как никакого существенного преимущества в выживании это дать не может. Уничтожение одного организма другим происходит, как правило, только в том случае, если, так сказать, «цена вопроса» - собственное выживание или выживание потомства. Причем внутривидовому уничтожению организмов препятствует множество поведенческих барьеров, выработанных в процессе эволюции, однако работы этологов указывают на то, что *Homo sapiens* в этом отношении далеко не самый высокоморальный вид, например [Дольник, 1993].

В исследовании М.Ковалевского так же подвергнуты критике социологические теории, в которых проводится слишком прямое отождествление общества и организма, что является абсолютизацией параллелизма Г.Спенсера, на что указывает приведенное М.Ковалевским исследование Людвиг Штейна. Но так же не правомерным считает М.Ковалевский полное отрицание единства законов развития, что подтверждает приводимыми историческими примерами. «Сказать поэтому, ... что органическая теория потому уже не имеет смысла, что государства не подчиняются законам развития и регресса, едва ли может считаться убедительным». [Ковалевский, 1910, с.130]

В.Вагнер так же уделял внимание теории Г.Спенсера, указывая на ошибки этой теории и ошибочном объединение эволюционной теории Г.Спенсера с теорией Ч.Дарвина. «Это сближение, скажу лучше, - эта путаница, представляется мне чрезвычайно характерной, если взять в расчет с одной стороны, что книга Ч.Дарвина «О происхождении видов» вышла в свет столетия тому назад, а с другой — что сказанная путаница

продолжается до наших дней: пятьдесят лет тому назад как и теперь, повторяя за Г.Спенсером, что естественный отбор покровительствует не наиболее совершенно приспособленным, а «лучшим», многие авторы все еще продолжают думать, что высказывают идеи Дарвина» [Вагнер 1904, с.3].

Однако в дальнейшем это направление было незаслуженно забыто и вытеснено представлениями о неправомерности использования законов эволюции в отношении поведения человека, ориентацией на экзогенную детерминацию социального поведения без достаточного эволюционного основания, поэтому многие критические замечания М.Ковалевского, В.Вагнера и Л.Мечникова продолжают быть актуальными и через полтора века после выхода книги Ч.Дарвина. Кроме того, стараниями социал-дарвинистов и прочих редуccionистов, использование теории эволюции в отношении человека и его социального поведения было полностью дискредитировано, чему особенно способствовало так же распространение марксистского понимания теории эволюции, которое будет рассмотрено в следующем параграфе. В отличие от М.Ковалевского, В.Вагнера и Л.Мечникова, критиковавших ошибочные социологические концепции с позиций дарвинизма и со знанием предмета, многочисленные последующие критики биологизаторских односторонних направлений, как полтора века назад, так и теперь, акцентируют свое внимание, как правило, не на ошибках в использовании законов теории эволюции (они, вероятно, их не видят), а на моральных аспектах проблемы. Это привело к отрицанию в социологических исследованиях единых законов развития человека и всей биосферы, что обычно прямо не отрицалось, а признавалось, но только на уровне общей декларации. На самом же деле многие социологи стали искать детерминанты социального поведения в каких-то особых факторах, не имеющих никаких биологических эволюционных оснований.

1.2. Социологические теории, признающие влияние экзогенных факторов среды ведущими в социальных процессах

Отрицание биологических основ социального поведения привело к формированию других направлений в социологии, сосредоточивших свои усилия на изучении второго фактора – среды, представляющей собой, согласно теории эволюции, весь комплекс условий, в той или иной степени воздействующих на организм. При этом некоторые авторы не учитывают биологические факторы, другие же, декларируя их наличие, делают акцент на факторах среды, фактически, исключая биологические основания формирования личности.

Бихевиорист Б.Скиннер, в отличие от других представителей этого направления, главный акцент делает именно на влиянии среды, изменяющей поведение человека [Skinner, 1979, p.166].

Он подчеркивал большое значение факторов среды в генетических изменениях вида, происходящее через отбор, что вполне справедливо с точки зрения современной теории эволюции. Действительно, процесс видообразования тесно связан с внешними факторами, которые поддерживают особей с генотипом, соответствующим состоянию среды, и не поддерживают, если такого соответствия нет. В случае изменения среды, в более благоприятных условиях, а, следовательно, поддерживаемыми отбором, оказываются особи с генотипом более соответствующие уже новым условиям среды, что приводит к генетическим изменениям и может в дальнейшем сформировать новый вид.

Влияние среды на поведение Б.Скиннер определил как “оперантное” поведение, которое, по его мнению, заключается в том, что своими действиями человек воздействует на среду, последствия этих действий (изменений среды) влияют на поведение, которое может усиливаться, что

Б.Скиннер называл положительным подкреплением, или ослабевать – отрицательное подкрепление.

Изучая на основании опытов вербальное поведение, которое, по его мнению, формируется путем подкрепления, Б.Скиннер сформулировал принципы теории управления поведением, в которых подкрепление играет ключевую роль [Каримский, 1984].

По мнению Б.Скиннера, “биологическая аккумуляция форм человеческого поведения осуществляется в процессе филогенеза и онтогенеза” [Каримский, 1984, с. 147]. Действительно, с этим утверждением трудно спорить, но дальнейшая интерпретация данного утверждения и рассуждения Б.Скиннера никак не могут считаться удовлетворительными. “Онтогенетический опыт индивида характеризуется меньшими масштабами и большим удельным весом непосредственной, импульсивной, близорукой реакцией под влиянием страстей (комплекс Адама) – традиционных источников “зла” и греховности, в то время как филогенетический опыт олицетворяется “сознанием”, диктующим индивиду социально целесообразное поведение (благо)”. В дальнейшем эти два фактора могут приводить к противоборству “импульсных влечений” [Каримский, 1984, с. 147].

Онтогенез и филогенез формируют любой организм, в том числе и поведенческие особенности, но это очень сложный процесс, который обеспечен как наследственной информацией, так и культурным наследованием. Кроме того, случайные события, имеющие место как при формировании индивидуального генотипа, так и действующие на индивид под влиянием средовой компоненты в процессе онтогенеза, формируют уникальный организм с собственными индивидуальными реакциями на те

или иные стимулы. Поэтому рассуждение Б.Скиннера о формировании поведения следует признать весьма упрощенным.

С одной стороны, признавая в принципе процесс видообразования и наследования, с другой стороны Б.Скиннер, развивая свою теорию поведения, не учитывал индивидуальный характер наследования как генетического, так и культурного. В результате такого подхода автор уделял мало внимания индивидуальным особенностям личности, что характерно для всего бихевиористского направления. В его теории поведения фактически исчезает всякая индивидуальность, в том числе и биологическая. Хорошо известно, что в экспериментах по методикам бихевиористов не удается получить ожидаемый результат, если в эксперименте в качестве подопытных объектов выступают не только люди, но и другие животные.

Придавая влиянию среды ключевое значение и не учитывая никаких внутренних индивидуальных оснований поведения Б.Скиннер изобразил человека как физиологический искусственно созданный механизм, социальное поведение которого в этой концепции представлено как жестко детерминированное экзогенными факторами, изменение которых способно изменить социальное поведение в том или ином заданном направлении.

Основы одного из направлений, акцентирующих свое внимание на факторах среды, были заложены К.Марксом и Ф.Энгельсом. Карл Маркс - сторонник теории конфликта, он определял конфликты и противоречия как движущую силу социальных изменений и исторического процесса.

В 1859 году, в то время когда К.Маркс и Ф.Энгельс разрабатывали свою теорию коммунизма, вышла в свет книга Чарльза Дарвина "О происхождении видов путем естественного отбора", которая заинтересовала сначала К.Маркса, а потом и Ф.Энгельса.

Теория Ч.Дарвина первоначально произвела на них благоприятное впечатление: "Книга дает естественно историческую основу для наших взглядов" [Маркс, Энгельс, т. 30, 1961, с. 102]. В борьбе за существование, отмечаемой Ч.Дарвином, которая, согласно его теории, беспрерывно происходит в мире живой природы и является движущей силой эволюции, К.Маркс обнаружил аналогии с борьбой классов. В письме Лассалю 1861 г. он пишет: "Очень значительная книга Дарвина, она годится мне, как естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов" [Маркс, Энгельс, т. 30, 1961, с. 475], т.е. первоначально К.Маркс заинтересовался теорией Ч.Дарвина, но только в одном аспекте "исторической борьбы классов", которая отнюдь не вытекала из теории эволюции. В дальнейшем именно этот аспект служил К.Марксу основой для дальнейшего обоснования классовой борьбы, что было вполне созвучно с теориями социал-дарвинистов о беспрерывной борьбе в человеческом обществе. К.Маркс и социал-дарвинисты, таким образом, выбрали единую отправную точку для своих дальнейших научных построений – это конфликты, что и объединяет их как теоретиков конфликтологического направления. Действительно, исследуя социальные конфликты, К.Маркс и критикуемые им социал-дарвинисты пришли к единой мысли, что именно конфликты и являются источником прогресса, при этом особое значение К.Маркс придавал революциям и классовой борьбе, а социал-дарвинисты внутривидовой борьбе.

Но в дальнейших рассуждениях их взгляды резко разошлись. Аналогии с рыночным принципом, "прославляемым экономистами", представлялись К.Марксу недостаточно обоснованными. Но он не обнаружил несоответствия теорий социал-дарвинистов с теорией Ч.Дарвина, что, вероятно, привело его к распространению критики социал-дарвинизма на

подлинный дарвинизм. "Все дарвиново учение о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы гоббсова учения о *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) и буржуазного экономического учения о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения. Прodelав этот фокус (безусловная правомерность которого - в особенности, что касается мальтусовского учения - еще очень спорна), очень легко потом опять перенести эти учения из истории природы обратно в историю общества" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.622].

Труд Ч.Дарвина исследовался и принимался К.Марксом и Ф.Энгельсом, но аналогии человеческого общества с миром животных, которые стали активно проводить многие исследователи, рассматривались ими как неправомерные. "Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он нарисовал на людей и, в особенности на своих земляков, когда он доказывал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием мира животных. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными..." [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.359].

Из приведенной выше цитаты следует, что социальное поведение человека, отраженное в конкурентных отношениях негативно оценивается К.Марксом и Ф.Энгельсом. Более того, аналогии социального поведения человека с другими животными, и тем более наличие общих закономерностей в социальном поведении, называется авторами "горькой сатирой". Из чего следует, что "сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распре-

делением” предлагается как единственно возможный путь изменения социального поведения человека в направлении максимального удаления от социального поведения других животных, придания ему иных поведенческих особенностей, чем те, которые имеют другие животные, что призвано “поднять людей над прочими животными”. Таким образом, наличие биологической составляющей признается, но оценивается негативно и указывается путь по ее полной ликвидации при помощи воздействия внешних факторов, которые, вероятно, должны вытеснить биологическую составляющую из социального поведения человека. Подобные эмоциональные подходы в социологии критикует В.Вагнер (имея в виду идеи К.Каутского) за попытки подменить научные подходы этическими и эмоциональными соображениями в желании доказать отсутствие борьбы за существование в человеческом обществе [Вагнер, 1904].

Теория Т.Мальтуса действительно послужила Ч.Дарвину, ключом к объяснению происхождения видов. Однако такого простого перенесения было бы недостаточно (да и небезопасно по тем временам), для доказательства теории эволюции не будь у него естественнонаучной базы, основанной на большем количестве неопровержимых фактов, собранных им в течение 20-ти лет, которые, в конечном счете, оказались достаточно убедительными, чтобы быть признанными во всем мире. "На протяжении многих лет эффективность естественного отбора - его способность вызывать изменения, как это предсказывает теория отбора, подвергается проверке и получает подтверждение в бесчисленных исследованиях, которые проводятся на разных видах животных, растений, микроорганизмов" [Грант, 1980, с. 84].

К.Маркс и Ф.Энгельс, отвергая теорию Т.Мальтуса, подчеркивали наличие иных закономерностей социального поведения человека, чем были обозначены Т.Мальтусом. В 1862 году К.Маркс пишет Ф.Энгельсу о теории Ч.Дарвина: "...меня забавляет его утверждение, что он применяет "мальту-

совскую" теорию также к растениям и животным..." [Маркс, Энгельс, т. 30, 1961, с.204].

Ф.Энгельс, разделял взгляды К.Маркса и посвятил исследованию теории Ч.Дарвина несколько работ. Наиболее подробно взгляды Ф.Энгельса по этой теме изложены в "Анти-Дюринге" и "Диалектике природы". Приведенное выше высказывание о простом перенесении из общества в область живой природы экономического учения о конкуренции, теории Т.Мальтуса и гоббсова учения, а потом обратный перенос этих закономерностей в историю общества, можно прочесть и в письме Ф.Энгельса к Петру Лаврову, написанному в 1875 году..." [Маркс, Энгельс, т. 34, 1961, с.137]. Но уже в "Анти-Дюринге"(1871-1878) содержится критика этого положения. "Прежде всего Дарвину ставится в упрек, что он переносит теорию народонаселения Мальтуса из политической экономии в естествознание, что он находится во власти представлений животновода, что в своей теории борьбы за существование он предается ненаучной полупоэзии и что весь дарвинизм, за вычетом того, что заимствованно им у Ламарка, представляет собой изрядную долю зверства, направленного против человечности" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.323].

В "Анти-Дюринге" Энгельс рассматривает факторы, которые оказали влияние на формирование взглядов Ч.Дарвина. Такими факторами называются и впечатления, полученные Ч.Дарвином в путешествии, и наблюдения за процессом разведения животных и растений, которые Ч.Дарвин проводил по возвращении из путешествия. При этом Ф.Энгельс подчеркивал, что для таких наблюдений Англия "является классической страной", т.к. ее достижения в области разведения животных и растений он определял как очень высокие. Этот обзор Ф.Энгельс приводит как предпосылки для формулирования Ч.Дарвином теории эволюции, которую в

данной работе Ф.Энгельс не подвергает критике, более того, его рассуждения показывают совершенно правильное понимание автором процесса видообразования.

Кроме того, Ф.Энгельс полемизирует с Е.Дюрингом, по мнению которого в интерпретации Ф.Энгельса "...возможность борьбы за существование среди лишенных сознания растений и среди кротких травоядных заранее исключена" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.69]. Ф.Энгельс подчеркивает более широкий диапазон действия борьбы за существование, нежели прямая схватка животных между собой, который распространяется так же и на травоядных и на растения, т.к. Ч.Дарвин "...включил в сферу борьбы за существования всю органическую природу" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.70].

Можно было бы предположить, что взгляды Ф.Энгельса со временем изменились, но, в его последней работе "Диалектика природы" прослеживаются первоначальные идеи об ошибках Ч.Дарвина. Вероятно, их отношение к труду Ч.Дарвина до конца не сформировалось. Однако их противоречивое понимание законов эволюции привело к формированию нового "антидарвиновского" направления в естествознании, которое стало "естественнонаучным" основанием для представлений о возможности произвольного изменения социального поведения человека в заранее избранном направлении при помощи экзогенного воздействия.

В "Диалектике природы" Ф.Энгельс, не только приводит формулу о неправомерном мальтузианстве Ч.Дарвина, но так же проводит подробное исследование причин видообразования, и механизмов естественного отбора.

"Ошибка Дарвина заключается именно в том, что он в своем "естественном отборе или выживании наиболее приспособленных" смешивает две совершенно разные вещи:

1. Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие, быть может и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наислабейшими в некоторых отношениях (здесь, вероятно, Ф.Энгельс понимает "отбор под давлением перенаселения" в самом прямом смысле слова - как физическую борьбу - Л.О.).

2. Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше приспособлены к этим обстоятельствам..." [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.621].

Приведенная цитата показывает, что Ф.Энгельс совершенно правильно заметил разносторонность действия отбора. Действительно, его действие наблюдается и в случае стабильности среды "под давлением перенаселения", и в случае изменившихся обстоятельств. При этом в первом случае работает стабилизирующий отбор – "под давлением перенаселения" отбираются особи, наиболее приспособленные к стабильным условиям и способные отстоять разнообразными способами свое право на жизнь перед представителями этой же популяции, а во втором – направленный отбор, отбирающий наиболее приспособленных особей к изменившимся условиям. Но это не "две совершенно разные вещи", а разные типы отбора. И в том и в другом случае выживает наиболее приспособленный к конкретным условиям собственного существования. При этом его задача - выжить и дать плодovitое потомство, тем самым, следовательно, утвердить в биосфере преимущества собственной наследственной информации, получившей право продолжиться в разнообразных вариантах в будущих поколениях.

Для изучения экологии организмов, конечно, все детали жизни важны, но в том и состоит успех Чарльза Дарвина, что он сумел обобщить все многообразие жизни и увидел движущие силы эволюции в выживании наиболее приспособленных ко всему комплексу окружающих условий, и назвал этот процесс емкой формулой - "борьба за существование".

Сам Ч.Дарвин, однако, не считал этот термин слишком удачным, но до сих пор никому так и не удалось придумать более точной формулировки. Биологи всего мира продолжают пользоваться этой формулировкой, понимая "борьбу" весьма условно, как комплекс приспособлений организмов, способствующий выживанию и включающий в себя как способность противостоять абиотическим факторам среды (температура, освещенность, соленость, влажность и т.п.), так и биотическим (хищники, паразиты, конкуренты пищевые и территориальные и т.п.). Кроме того, в этот комплекс входят такие формы "борьбы", не отмеченные Ф.Энгельсом в понятии "борьба за существование", как сотрудничество, взаимопомощь и даже самопожертвование. "До Дарвина его теперешние сторонники подчеркивали как раз гармоничное сотрудничество в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным пищу и кислород, а животные доставляют растениям удобрения, аммиак и углекислоту. Но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только борьбу ..." [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.622]. В этом утверждении Ф.Энгельс совершенно справедливо отмечает чрезмерное увлечение его современников теорией эволюции, причем только одним из ее аспектов – физической борьбой, что особенно отчетливо представлено в работах социал-дарвинистов.

Конечно, критика теории эволюции К.Марксом, Ф.Энгельсом и Е.Дюрингом была не единственной. И до Ч.Дарвина, и в его время вплоть до

наших дней выдвигались, выдвигаются и, по всей вероятности, будут выдвигаться все новые и новые гипотезы движущих сил эволюционного процесса. Некоторые из них дополняют учение Ч.Дарвина, другие ему противоречат, но ни одна из них не имеет более убедительной доказательной базы и не охватывает всю широту и разнообразие жизни на нашей планете, поэтому эти теории не являются общепризнанными теориями эволюции.

Процесс эволюции представляется Ф.Энгельсу, так же как и Ч.Дарвину, как изменения организмов под воздействием условий среды. "...виды изменяются - старые вымирают, а их место занимают новые, более развитые (правильнее было бы сказать более приспособленные – Л.О.), ...например, при переселении растений и животных в новые места, где новые климатические, почвенные и прочие условия вызывают изменения" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.621]. Но движущие силы эволюции, они оценивают по-разному. Ф.Энгельс видит причины эволюции в изменениях, возникающих под влиянием окружающей среды, причем считает возможным "...обеспечить весь процесс развития, не нуждаясь в отборе и мальтузианстве" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.621]. Т.е. полагает возможным передачу по наследству адекватных приспособительных реакций, которые были выработаны организмом в процессе жизни при взаимодействии со средой. Но на самом деле, «в ходе эволюции внешняя среда выступает не как ведущий фактор, а как необходимый «агент» естественного отбора – механизма, создающего новые формы. Внешнее приобретает значение фактора эволюции только через механизм отбора» [Миклин, 1999, с.89].

Приведенные выше убеждения Ф.Энгельса подтверждаются его рассуждениями о наследственности, в которых он вполне определенно указывает на возможность передачи по наследству приобретенных в процессе жизни особенностей. "Современное естествознание признает на-

следственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытывал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытным доказательстве, то это является лишь результатом "накопленной наследственности" [Маркс, Энгельс, т. 20, 1961, с.424].

Эта теория Ф.Энгельса, игнорирующая отбор и утверждающая передачу по наследству опыта предков вплоть до математических аксиом, вступает в противоречие с представлениями современной биологии, согласно которой генотип любого организма стабилен всю жизнь и никакие внешние условия не могут его изменить. Как отмечают Н.Дубинин и Ю.Шевченко в книге "Некоторые вопросы биосоциальной природы человека", приобретенные в процессе жизни знания и навыки не закрепляются на генетическом уровне. "Хорошо известно, что научные знания, трудовые навыки, изменения в социальном поведении и т.д. — все это каждому поколению приходится воспринимать заново, т.к. они передаются путем социального наследования. Никакие итоги социальной жизни, науки или морали не записываются в его генах. Каждое поколение всегда начинается сначала, свободно и творчески входя в общество и познавая природу" [Дубинин, Шевченко, 1989, с.220].

Только в процессе оплодотворения возникает новый набор, который все же значительно ближе к родительским формам, нежели к генотипу любого другого организма. И вот с этим относительно новым набором дочернему организму суждено жить всю жизнь, которая и выявит насколько удачно

скомпановались родительские гены. Но эти изменения происходят ненаправленно. При искусственном отборе можно только путем выбора производителей с желательными качествами получать необходимые формы. В природе (при естественном отборе) эту селекцию проводят условия существования организма (среда), отбирая (не сознательно) наиболее приспособленные к данным условиям организмы.

Таким образом, среда формирует организм в пределах его генотипа, и никакие изменения, возникшие под действием окружающей среды, по наследству не передаются, новое поколение все начинает с начала, так, будто бы все его предки не испытывали никакого влияния окружающей среды. Сам факт появления потомства свидетельствует о том, что родительская наследственная информация вполне отвечает требованиям среды, что именно эта информация, позволившая им выжить, имеет право продолжать "родословную" данного вида в новых различных вариантах. Так как такой организм имеет неоспоримое преимущество перед своими собратьями, не дожившими до половозрелого возраста или по другим причинам не оставившими потомства и, следовательно, проигравшими в борьбе за существование.

Несмотря на критику идей Ч.Дарвина, К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивают огромное значение теории эволюции для понимания единой картины мира. В работе "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии" отмечается системное видение Ф.Энгельсом природных процессов. "Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, двинулось гигантскими шагами вперед особенно благодаря трем великим открытиям" в качестве которых называются "...открытия клетки, учения о превращении энергии и теории развития, названной по имени Дарвина"

[Энгельс 1964, с. 39]. В этой работе Ф.Энгельс подчеркивает единство развития человека и всей биосферы Земли.

“Наконец, в-третьих, благодаря впервые в общей связи представленному Дарвином доказательству того, что все окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, возникли в результате длительного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовались из возникшей химическим путем протоплазмы, или белка. Благодаря этим трем великим открытиям и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого” [Энгельс 1964, с. 40].

Понимание единства “общей картины природы” является основой мировоззрения К.Маркса и Ф.Энгельса, но в их трудах эндогенные основания социального поведения человека прослеживаются слабо, в большей степени на уровне признания возможного наличия таких оснований, но эти основания не включены в общую канву теоретических построений, что и позволило К.Марксу и Ф.Энгельсу, предполагать возможность некоего идеального социального поведения людей, которое, вероятно, должно было бы наступить при коммунизме. В предисловии к “Тезисам о Фейербахе” К.Маркса, которые были подготовлены к печати Ф.Энгельсом уже после смерти К.Маркса, Ф.Энгельс пишет: “Отдел о Фейербахе ... не закончен. Готовую часть составляет изложение материалистического понимания истории; это изложение показывает только, как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области

экономической истории ... в одной старой тетради Маркса я нашел одиннадцать тезисов о Фейербахе, которые и напечатаны в качестве приложения. Это - наскоро набросанные заметки, подлежащие дальнейшей разработке и отнюдь не предназначавшиеся для печати. Но они неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения” [Энгельс 1964, с. 4].

К.Маркс и Ф.Энгельс не были профессиональными биологами, кроме того, книга Ч.Дарвина в то время только что вышла в свет и не была еще до конца осознана не только философами и социологами, но и многими биологами. Не следует так же забывать, что генетика в то время только начинала свое развитие и еще не имела такой огромной доказательной базы, которую она приобрела впоследствии. Эти обстоятельства, вероятно, не позволили К.Марксу и Ф.Энгельсу полностью осмыслить теорию эволюции и использовать ее закономерности в понимании социального поведения человека, которое выглядит в их теории детерминированным экзогенными факторами - историческими или экономическими.

Таким образом, в марксистской теории наблюдается две противоположные позиции по отношению к теории эволюции: с одной стороны понимание теории Ч.Дарвина, активная критика противников этой теории, признание единства всех процессов развития, что излагается, например, в «Анти-Дюринге», а с другой - критика ее основополагающих принципов, что имеет отражение в других работах, в частности в «Диалектике природы», а также признание особых не связанных с теорией эволюции законов развития человека.

М. Ковалевский видел эти противоречия с одной стороны как признание К.Марксом и Ф.Энгельсом наличия «борьбы классов», которую они рассматривали как проявление борьбы за существование в человеческом обществе, а с другой стороны в признании того, что эта борьба должна

закончится с наступлением коммунизма. «Маркс предвидит конец борьбы и соперничества с исчезновением классов в не допускающим их существовании, уравненном коммунистическом обществе» [Ковалевский, 1910, с.153]. По мнению М.Ковалевского, «в этом отношении так называемый научный социализм возобновляет традицию утопий, из которых республика Платона является не только древнейшим, но быть может и совершеннейшим образцом» [Ковалевский, 1910, с.153].

Попытки внести в естественные законы поправки из идеологических, нравственных или любых других соображений или от недостаточно глубокого ознакомления с законами развития приводят к логическим ошибкам, которые в дальнейшем приводят к ошибочным выводам, использование которых в политических целях не может способствовать положительным тенденциям в развитии социальных процессов.

Основываясь на приведенных выше теоретических построениях марксизма, была предпринята попытка построить идеальное общество, но для обоснования такой возможности необходимо было принять два ошибочных постулата.

1. Приписать человеческому обществу особые законы формирования социального поведения. Однако очень скоро выяснилось, что качествами, позволяющими жить по этим новым законам, человек не обладает и продолжает жить по старым, по которым уже миллионы лет существует все живое на Земле. С целью ликвидации столь явного несоответствия теории и практики пришлось подкрепить теорию еще одним ошибочным логическим построением.

2. Человек, с которым мы имеем дело, это не тот человек, необходимо воспитать такого человека, который бы этим законам соответствовал, т.е. подтянуть человека под новые законы формирования

социального поведения. Для этого пришлось принять догму о бесконечной пластичности человеческой природы. Но в этом случае никак не удавалось решительно размежеваться со всей остальной природой, поэтому пришлось перечеркнуть науку генетику.

Но и это не привело к ожидаемому результату, т.к. законы природы не могут изменяться в соответствии с какими бы то ни было теориями. Наука может только открывать и изучать законы природы, люди могут использовать их в своих целях, но изменять законы природы человеку не дано.

В настоящее время постепенно приходит понимание, что совершенствовать свое общество можно и нужно в гармонии с окружающей средой. Для этого нет необходимости изобретать новые законы природы, достаточно лишь изучать экологические закономерности сосуществования человека в биосфере Земли, осознавая единство происхождения всех организмов и единство законов существования и развития.

Несмотря на недостаточно точное понимание естественных законов развития, К.Маркс был глубоким мыслителем, и в своих философских высказываниях сам же отрицал возможность идеального бытия. "Сосуществование двух взаимно-противоположных сторон, их слияние в новую категорию составляет сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению" [Маркс, Энгельс, т.4, 1961, с.136].

Но после революции в России труды К.Маркса и Ф.Энгельса были канонизированы и интерпретировались с идеологических позиций, отступление от которых расценивалось крайне негативно, что значительно тормозило объективное осмысление их трудов советскими исследователями.

Несмотря на то, что марксизм прямо не отрицает наличие генетической наследственности организмов, многие ученые интерпретировали эти идеи именно в аспекте полного отрицания генетики и признания социального поведения человека, как имеющего исключительно социальную природу. В качестве “научного” обоснования такой идеологии советской наукой были приняты за основу понимания существования и развития всего живого на Земле идеи полной детерминированности наследственности средой. В этом учении, в области естествознания, развивалась концепция отрицания биологической природы как человека в целом, так и его социального поведения. Отрицался не только факт наличия отбора и его ведущая роль в эволюции, но и выдвигалось толкование наследственности организмов, которая подвержена постоянным изменениям в процессе жизни, за счет изменения метаболизма под воздействием среды. Эти вновь приобретенные изменения, согласно этому новому учению, передаются по наследству, причем без всякого участия генов, наличие которых полностью отрицалось. [Лысенко, 1948]

Если К.Маркс и Ф.Энгельс критиковали дарвинизм за ошибки, которые на их взгляд были допущены Ч.Дарвином, то новому естествознанию кроме дарвинизма, которому противопоставлялся "советский творческий дарвинизм" [Фролов, 1988], пришлось бороться еще с генетикой.

Столь решительные действия в отношении генетики вполне входили в планы отрицания всего, что могло поставить под сомнение правильность выбранного пути, а именно эти науки, как указывалось выше, не оставляют никакой надежды на возможность воспитания "нового человека", обладающего некими идеальными особенностями в социальном поведении.

Если К.Маркс и Ф.Энгельс предполагали достаточным для "поднятия людей над прочими животными" ввести "планомерное производство и

планомерное распределение", то приверженцы новых идей находились в более сложных условиях, так как планомерное хозяйство уже было создано, однако социальное поведение людей при этом оставалось прежним. Поэтому первоочередной задачей стало "воспитание нового человека", без которого становилось немыслимым построение нового общества, но именно эта задача с точки зрения естественных наук и особенно генетики является абсолютно невыполнимой. Согласно представлениям генетики генетическое разнообразие не может быть компенсировано воспитанием. Если, например, у ребенка нет природных математических способностей, то, несмотря на все усилия педагогов и хорошо налаженный воспитательный процесс, получится не великий математик, а, возможно, просто хороший или средний математик, что обусловлено его наследственной программой, которую, невозможно радикально изменить посредством тренировки.

Кроме того, коллективное воспитание, попытки всем детям привить примерно одинаковые черты, приводит часто к нежелательным последствиям. Если, например, у ребенка эгоистические задатки, то попытка воспитывать у детей такие особенности социального поведения, как альтруизм, чуткость по отношению к окружающим, безусловно, пойдет на пользу, а если генетическая предрасположенность у другого ребенка направлена в сторону мягкости, уступчивости, отзывчивости, то аналогичное воспитание приведет к таким чертам, как слабость и безволие. Действительно, подобные парадоксы, можно наблюдать, когда в одной семье (при одинаковом воспитании), имея похожий генотип из сибсов (братьев и сестер) вырастают люди с диаметрально противоположными чертами характера. Индивидуальный подход, конечно более благоприятен и может позволить развиваться индивидуальным способностям личности, но он не может полностью ликвидировать индивидуальные различия, обусловленные

биологической природой человека и, в частности, различиями в генетической программе. Он может только, в случае правильного подхода, смягчить проявление нежелательных черт и усилить проявление желательных особенностей личности в ее социальном поведении.

Выше уже говорилось, что наследственная программа складывается посредством большого количества случайных событий, а формирование социального поведения происходит путем корректировки генетической информации средой, которая так же несет огромное количество случайных событий. Таким образом, чтобы полностью ликвидировать пороки, и воспитать “нового человека”, обладающего новым социальным поведением, необходимо ни много ни мало - избавиться от случайностей. Поэтому кроме генетики пришлось бороться и с теорией вероятностей. Звучали призывы "...без всяких церемоний изгнать случайности из биологической науки" [Лысенко, 1948, с. 579].

Конечно, если даже не принимать во внимание генетическое разнообразие, то все равно невозможно создать такую среду, в которой не будет места порокам и в которой наиболее полно раскроются лучшие качества личности, что приведет к идеальному социальному поведению, так как несовершенное общество не может создать совершенные условия. Надежды на создание идеального общества, в котором люди бы обладали неким идеальным социальным поведением аналогичны ожиданию того, что на нашей Земле образуется идеальная биосфера, где все виды будут жить в полном мире, согласии, в пищевом и территориальном изобилии, что согласно современным законам развития невозможно.

Реальнее предположить, что оба эти процесса будут идти одновременно - человеческое общество будет совершенствовать среду своего существования, которая, в свою очередь, будет влиять на общество и на

каждого его члена, формируя адаптивно ценные для всего общества формы социально поведения. Но следует особо отметить, что как совершенство среды, так и социального поведения человека не может быть абсолютным. Мы можем говорить только о степени адаптации, т.е. соответствии социального поведения, которое демонстрирует человек, конкретным условиям среды.

Мы можем отметить два взаимно исключаящих направления в естествознании, фундаментальные принципы которых легли в основу социологических теорий:

I 1. Генетический код организма стабилен всю его жизнь.

2. Мутационный процесс происходит ненаправленно, все изменения нового организма случайны.

3. Новые формы возникают за счет выживания наиболее приспособленных.

Это направление создано дарвинизмом, генетикой, обобщено современной синтетической теорией эволюции, опирается на факты научных исследований.

II 1. Наследственная информация подвергается постоянным изменениям в процессе жизни организма.

2. Все изменения адекватны.

3. Новые формы возникают за счет этих изменений наследственности под действием окружающей среды. Борьбы за существование нет.

Это направление, сформированное на основе отрицания законов наследственности, не имеет никакой естественнонаучной базы.

В середине прошлого века произошла переоценка представлений о месте человека в природе, причем пошла она по двум взаимно противоположным направлениям, базирующимся на приведенных выше естественнонаучных теориях.

Одному из них дал импульс Чарльз Дарвин, и с тех пор доказательство общего плана строения человека и других животных, общие схемы развития зародышей, признание человека животным видом и т.д., а в последнее время успехи таких наук, как генетика поведения, этология, зоопсихология и других стремительно сближают в нашем сознании человека с другими организмами нашей планеты, пробивая брешь в антропоцентрическом сознании человечества. Однако в интерпретации некоторых социологов это направление приобрело совсем другой смысл.

Другое же направление, теоретические основы которого были заложены К.Марксом и Ф.Энгельсом прямо противоположно и ориентирует человека на антропоцентрические претензии, не встречавшиеся ранее в истории человечества.

Опираясь на эти два направления, в естествознании сформировались два взаимоисключающих направления в социологии:

1. Человек является исключительно биологическим объектом, в основе формирования и существования которого заложены наследственные основания. При этом главным фактором существования и развития является социальное поведение, детерминированное эндогенными факторами, обеспечивающее борьбу индивидов и групп между собой. Улучшение социального поведения человека возможно посредством проведения искусственной селекции.

2. Человек имеет исключительно социальную природу. Социальное поведение детерминировано экзогенными факторами. Никакой борьбы за

существование нет, есть только классовая борьба, которая и является главным фактором существования и развития. Улучшение социального поведения человека возможно посредством воспитания.

К.Маркс критиковал первое направление, предлагая свою трактовку борьбы. “Классовую борьбу изображали как расовую борьбу, как борьбу биологически сильных против биологически слабых и тем самым изгоняли из своих концепций истории всякий намек на социальную или экономическую постановку проблемы” [Маркс, Энгельс, т.3, 1961, с.19].

Эти два направления в социологии, исходя из единой отправной точки, признавая конфликты источником социального развития, пришли в дальнейшем к противоположным взглядам на формирование социального поведения. Причины таких подходов в недостаточно глубоком понимании теории эволюции, в ошибочных интерпретациях биологических законов, в акцентировании своего внимания только на тех аспектах естественнонаучного знания (трактовавшегося весьма свободно), которые поддерживали их позицию. При этом научные факты, не подтверждающие эту позицию игнорировались.

Поэтому в концепциях первого направления человек предстает как чисто биологическое существо, к тому же искаженное ошибочными интерпретациями биологических основ, социальное поведение которого жестко детерминировано эндогенными факторами. В концепциях второго направления, человек выглядит как существо, лишенное всякого биологического начала, имеющее бесконечно пластичную основу, вследствие чего его социальное поведение является легко изменяемым под воздействием социального окружения.

Конечно, многие ученые, как и авторы редукционистских теорий, действительно верили в научную точность своих взглядов, более

того, видели в своих теориях путь к лучшему будущему человечества. Дело в том, что они принимали идею создания нового общества, члены которого будут демонстрировать некое “улучшенное” новое социальное поведение, без достаточно глубокого изучения закономерностей, открытых биологическими науками, без должного понимания сложности человеческой природы, единства и системности всех процессов развития, доверяя иногда “научным” построениям недостаточно компетентных ученых.

Оба этих направления социологии, руководствуясь желанием улучшить социальное поведение человека, предлагали создать из несовершенного человека более совершенное или даже идеальное, на их взгляд, существо, обладающее идеальным социальным поведением. Такие благие намерения “улучшить” законы природы не прошли для человечества даром.

Эти два направления явились основанием для политических идеологий, сформировавших два самых жестоких режима в недавней истории человечества. На основе отрицания влияния среды на формирование социального поведения человека, которые выдвигали расово-антропологические школы и социал-дарвинизм, была оформлена фашистская идеология, результатом исторической реализации которой стал гитлеровский режим. Отрицание биологической природы человека в формировании социального поведения явилось “естественнонаучным” основанием для другого режима, так же предполагавшего улучшение человека и его социального поведения - тоталитарного режима в России. Конечно, трудно сказать, что было первично, формирование научного социального направления или формирование его благодаря политическому заказу, однако социологическое основание, опирающееся на “естественные науки” присутствовало в обоих случаях.

В дальнейшем, признание генетики, развитие синтетической теории эволюции объединяющей законы наследования и классическую теорию эволюции, поставило новые проблемы перед социогуманитарными науками, которые постепенно, под натиском неопровержимых фактов, приводимых теорией эволюции, начали поиск соотношения биологических и социальных оснований в социальном поведении человека, который продолжается и в настоящее время.

1.3. Теоретические аспекты соотношения социального и биологического в человеке

Поиски соотношения биологического и социального в человеке и его поведении основывались с одной стороны на открытиях современной теории эволюции, указывающей на наличие биологической составляющей в поведении человека, а с другой, на марксистском понимании эволюционной теории. Внутренние логические противоречия теории К.Маркса и Ф.Энгельса, которые заключаются с одной стороны в признании теории эволюции как основы эволюции всей органической жизни на Земле, а с другой стороны в негативном отношении к биологической составляющей, попытке обосновать социальную детерминированность поведения человека, привело к формированию столь же противоречивого научного направления, исследующего всевозможные аспекты соотношения социального и биологического в человеке и его поведении. В концепциях этого направления, признается наличие биологической составляющей, но социальное ставится на первое место, причем основаниями для таких концепций служат ссылки на К.Маркса и Ф.Энгельса.

К.Тарасов и Е.Черненко социальную составляющую ставят на первое место, а биологическая, хотя в принципе и признается, но отодвигается как

можно дальше на задний план. “Сущность у человека одна – социальная, а биологическое, точнее социально-биологическое, ... органически включено в нее и имеет подчиненное, опосредованное содержание” [Тарасов, Черненко, 1979, с. 36].

Наличие биологической составляющей признается авторами, но оценивается негативно и указывается путь по ее полной ликвидации при помощи воздействия внешних факторов, которые, вероятно, должны ее вытеснить из социального поведения человека. Авторы ставили своей целью доказать, что, несмотря на достижения биологии и генетики, общее понимание сущности человека должно быть неизменным и опираться на представление о человеке, как исключительно социальном объекте. В книге выдвигаются, рассматриваются и подчеркиваются принципы социальной обусловленности всевозможных аспектов формирования и существования человека:

“Социальная обусловленность адаптации человека”

“Социальная обусловленность экологии человека”

“Основные социальные факторы физического развития человека”

“Социальная обусловленность генетики человека” (!)

Авторы приводят самые разнообразные доводы с целью доказать свой основополагающий тезис, который заключается в том, что “...соотношение генетического и социального в человеке есть соотношение не "биологического", а "социально-биологического" и социального” [Тарасов, Черненко, 1979, с. 119-120]. Вследствие такого подхода, несмотря на формальное признание авторами наличия биологической составляющей, социальное поведение оказывается обусловленным исключительно социальными основаниями, т.е. детерминированным экзогенными факторами.

Более взвешенную, позицию занимает И.Фролов, исследования которого направлены на оживление диалога социогуманитарных наук с теорией эволюции, однако и в этих исследованиях на основании марксистских установок, признается приоритет социального над биологическим. Подробно анализируя дискуссию о социально-биологических детерминантах, и в частности основы социобиологического направления, И.Фролов отмечает различия в подходах к пониманию поведения человека социобиологов и марксистов. В начале своего исследования, представленного в книге «Философия и история генетики поиски и дискуссии» [Фролов, 1988], И.Фролов формулирует марксистскую установку, которая заключается в том, что «марксизм, определяя сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» (К.Маркс), не исключает, наоборот, предполагает исследование его биологической природы, его генетики» [Фролов, 1988, с. 325-326]. Уже это определение отражает противоречие марксистской установки в понимании поведения человека - если сущность человека это «совокупность всех общественных отношений», то непонятно, как это может предполагать «исследование его биологической природы».

Основания для критики «идеалистического антропологизма и натурализма» И.Фролов видит в том, что «такие подходы выступают сегодня во многих случаях как «рецидивы рецидивов» философско-антропологических, социал-дарвинистских, фрейдистских и тому подобных представлений, появившихся уже после разработки марксистского учения о социальной сущности человека» [Фролов, 1988, с.326]. Из приведенной цитаты следует, что марксистское учение «о социальной сущности человека» признается автором как некая абсолютная истина, не подлежащая никакому критическому осмыслению, а научные направления, не опирающиеся на эту

истину, расцениваются как некие «рецидивы рецидивов», что сразу выводит предполагаемое исследование из поля научного анализа в область идеологии.

Однако в целом исследование И.Фролова, направленное на подробный обзор научных направлений, исследующих биологические аспекты социального поведения человека, проводится автором с научных позиций, хотя все же главным аргументом остается марксистское положение о приоритете социального. Автор призывает к более тесному сотрудничеству естественных и гуманитарных наук, «...конкретных позитивных исследований взаимосвязи социальных и эволюционно-генетических факторов», но «разумеется эти исследования должны опираться на научные представления о социальной сущности человека» [Фролов, 1988 с.349].

И.Фролов называет «одним из путей развития научного исследования ...определение «стыковых», «пограничных» точек, в которых перекрещиваются социальные и биологические методы» [Фролов, 1988 с.350]. Как это возможно сделать, «опираясь на научные представления о социальной сущности человека» автор не разъясняет.

Такой подход, при котором научные взгляды исследователя входят в противоречие с первоначальными установками, не подвергающимися критическому анализу, а, следовательно, относящимися к области идеологии, а не научного знания, весьма характерен для социогуманитарных исследований и отражает двойственное отношение к теории эволюции марксистской концепции.

Например, в приводимой выше книге [Дубинин, Шевченко, 1989], написанной профессиональными генетиками, авторы рассматривают результаты исследований генетических основ становления современного человека, прослеживают эволюцию человеческого мозга, однако и они, говорят о человеке, как о продукте общественных отношений, что отнюдь не

вытекает из проведенного исследования, и, вероятно являлось политической необходимостью. “Непонимание качественных отличий человека и животных лежит в основе биологизаторских подходов к человеку. Социал-дарвинисты, расисты и евгеники пытались обосновать, а затем практически невежественно вмешивались в наследственность человека. Всему этому противостоит марксистско-ленинское учение о человеке, как о продукте общественных отношений и как о части природы” [Дубинин, Шевченко, 1989, с. 223].

В 1975 году вышла книга Э.Уилсона “Социобиология: новый синтез” [Уилсон, 1975], которая положила начало развитию нового, социобиологического направления в социологии, которое пытается осмыслить социальное поведение, через биологическую (генетическую) детерминированность социального поведения всех живых организмов на Земле. В дальнейшем эти идеи получили развитие в книгах Э.Уилсона: “О природе человека”, “Биофилия” и др.

По мнению О.Менинга, известного специалиста в области эволюции и генетики, “в рамках социобиологии исследователи рассматривают функции общественного поведения, пытаются измерить, или хотя бы оценить параметры отбора и делают предположение о том, как определенный характер сообщества обеспечивает приспособление его членов к условиям внешней среды” [Менинг, 1982, с. 296].

В нашей стране анализ нового социобиологического направления проведен И.Фроловым в отмеченном выше исследовании, а так же Р.Карпинской и С.Никольским, которые, рассматривая истоки формирования социобиологического направления, проводят анализ методологических подходов социобиологов, приводят дискуссию, развернувшуюся в науке

вокруг нового направления, дают критические оценки [Фролов, 1988], [Карпинская, Никольский, 1988].

Цель общей социобиологии авторы видят в “...обнаружении и изучении путей развития характерных черт "социальной" организации сообществ живых организмов. Задачи же социобиологии человека связываются прежде всего с созданием "биограммы" человека, т.е. максимально полного описания природно-биологических основ его жизнедеятельности” [Карпинская, Никольский, 1988, с. 47].

В приводимой книге дается также обзор различных направлений социобиологии, разделение ее на два основных направления – одно из которых изучает социальное поведение обезьян и других животных, имеющих выраженные социальные объединения, - другое занимается изучением социального поведения человека. Это, по мнению авторов, выражается в прослеживании общих особенностей поведения человека и других животных на основании убеждения Э.Уилсона в том что “Нельзя вообразить, что люди могли бы социализироваться другими способами чем лемуры, гиббоны, бабуины... Таков фундамент, на котором основывается социобиология, когда выдвигает идею генетического контроля человеческого социального поведения” [Уилсон, 1975, с.183].

Конечно, новое социобиологическое направление не могло не столкнуться с обсуждаемой проблемой соотношения биологического и социального, которая в социально-биологической интерпретации получило уточнение, более соответствующее представлениям современной теории эволюции о человеке и его поведении и называется в приводимой книге Р.Карпинской и С.Никольского как проблемой генетико-средовой детерминации. “В центре рассуждений социобиологов сразу оказалась проблема генетико-средовой детерминации. По убеждению Э.Уилсона,

современная биология накопила достаточно сведений для того, чтобы по-новому поставить и осмыслить эту проблему. Исходя из общепризнанного тезиса о том, что поведение человека обуславливается как социальными так и биологическими (генетическими по Уилсону) факторами, он подчеркивал, что социальное поведение индивидов формируется прежде всего негенетическими детерминантами” [Карпинская, Никольский, 1988, с. 46]. Что сформулировано, как указывает Р.Карпинская, в работе Э.Уилсона “О природе человека”. Однако в той же работе, Э.Уилсон, хотя и отмечает сильное влияние обучения и воспитания, однако утверждает “... что скоро в нашей власти будет определять многие из генов, которые обуславливают поведение” [Уилсон, 1975, с.46].

Здесь мы видим все тот же поиск преобладающей детерминированности социального поведения, хотя и несколько на ином уровне, который так и не завершен, более того, социобиологи даже не приблизились к решению этой проблемы, а только еще раз заострили на ней внимание научной общественности. Кроме того, вызывает сомнение в научной обоснованности сам подход социобиологов к доказательству генетической детерминированности социального поведения. Наличие общих черт в социальном поведении человека и других животных таковым служить не могут, т.к. и в том, и другом случае определяются самыми различными факторами, но общие черты могут быть связаны с некоторыми общими правилами формирования любого социума, что и сближает элементы поведения. Кроме того, поиски “генов, которые обуславливают поведение” представляется весьма малоперспективным на том же основании, что и возможности селекции поведенческих признаков, предлагаемой социал-дарвинистами, что связано с высокой степенью сложности формирования тех или иных поведенческих реакций.

На самом деле, если говорить о человеке как целостной системе, то невозможно выделить ведущий эндогенный или экзогенный фактор формирования и жизнедеятельности человека, поэтому поиски соотношения биологического и социального в человеке не имеют смысла. По мнению американского генетика Р.Левонтина “...фундаментальная черта живых организмов заключается в том, что истории их развития – это следствия уникального взаимодействия генов и среды, исходной "программы" и постоянного притока новых влияний” [Левонтин, 1993, с.31]. Р.Левонтин говорит о влиянии среды на организм и его изменениях, но, конечно, при этом не предполагает изменения наследственной информации организма вследствие этого влияния.

Все попытки противопоставить “наследственность” и “среду”, или определить их соотношение в человеке, иногда даже выраженные количественно, как например иногда интеллект определяют, как на 80% детерминированный генами и на 20% средой, в принципе некорректны, и происходят от “...неправильного понимания биологии: ошибка состоит в попытке приписать внешним и внутренним силам отдельные, не связанные друг с другом роли, которые они играют в формировании индивидов и общества” [Левонтин, 1993, с.27].

Но еще более некорректно противопоставление “биологического” и “социального”, т.к. человек всегда остается биологическим организмом, и не перестает им быть, какие бы высокие социальные поступки он не совершал, а “социальное”, это только часть среды, воздействующей на человека, и отделить ее “социальную” часть от “несоциальных” внешних воздействий весьма сложно. Даже если такое выделение провести, то человек, как целостная система предстает в урезанном виде, учитывающем далеко не все

воздействия среды, влияющие на систему, которая в этом случае утратит целостность.

По мнению А.Бороноева: "Свобода творчества показала нашу неспособность к фундаментальным размышлениям, творческому созиданию, а если конкретно – то некомпетентность и традиционность. Это, пожалуй, касается всех социогуманитарных наук" [Бороноев, 2000, с.127]. В подходе к исследованию социальных аспектов личности "...процветает предметное разделение проблем человека, отсутствие диалога между представителями различных наук. Например, логика комплексного подхода, предложенная Б.Ананьевым и другими учеными, так и не реализуется на деле" [Бороноев, 2000, с.127].

Именно отсутствие комплексного и системного подхода к изучению человека, а так же недостаточное внимание к исследованиям человека, проводимыми различными науками, привела к созданию теорий и социологических школ, рассматривающих человека односторонне, как чисто "биологический" или социальный объект или к поискам и определениям различных вариантов сочетаний "биологического" и социального аспектов в человеке и его социальном поведении.

Социологические школы биологического редукционизма придавали эндогенным факторам ведущую роль, ошибочно полагая, что это соответствует законам биологии. В результате такого подхода социальное поведение представлялось им как детерминированная эндогенными факторами имманентно обусловленная программа. Следовательно, изменение социального поведения оказывается возможным или только путем изменения эндогенных факторов, что предлагали такие исследователи как Ф.Гальтон, рассматривающие пути генетического усовершенствования человека, или не представляется возможным, как предполагали социал-

дарвинисты, не видевшие возможности изменения эндогенных оснований. При этом воздействие среды, и, в частности, социальных факторов, рассматривалось как несущественное, оказывающее незначительное воздействие на социальное поведение человека.

Социологические школы, отрицающие биологическую составляющую, акцентировали свое внимание на социальном факторе, который в представлении биологии является частью среды и, следовательно, участвует в формировании человека как живой системы. При таком подходе, отрицающим эндогенные основания, человек предстает как “чистый лист”, лишенный всяких индивидуальных различий. Социальное поведение представляется как не имеющее никаких внутренних оснований, бесконечно изменяемое под воздействием социального фактора.

Единство эндогенных генетических факторов и экзогенных средовых, включающих социальное воздействие, в формировании человека, является позицией современной биологии, которая рассматривает человека как живую систему. Противопоставление “биологического и социального” в человеке противоречит основам современной биологии. Такое противопоставление, так же как одностороннее рассмотрение человека, как “чисто биологическое” или “чисто социальное” существо основано на ошибочных представлениях о том, что биологические закономерности формирования человека ограничены эндогенными факторами.

Кроме того, противопоставление “биологического и социального” логически приводит к тому, что человек представляется в виде двух независимых структур, сформированных двумя различными, или даже антагонистичными факторами – эндогенным и экзогенным. Это создает логические противоречия и не позволяет представить социальное поведение как поведение единого целостного индивида, что и приводит к

теоретическим поискам преобладающей структуры, обеспечивающей единство.

Одним из главных аргументов приверженцев приоритета социального над биологическим в поведении человека служит тезис о прекращении биологической эволюции в человеческом обществе. В теории А.Пехова все рассуждения опираются на признании преобладания социального над биологическим. Автор противопоставляет биологическую эволюцию социальному развитию. “С возникновением сознания человек стал творцом своей истории, создателем надбиологической сферы, представляющей собой общественную и духовную жизнь человечества. Биологическая эволюция рода человеческого уступила место социальному развитию и совершенствованию человечества” [Пехов, 1975, с.36]. Автор пытается доказать в своей работе, что несмотря на достижения генетики и теории эволюции, в развитии человечества главным фактором являются социальные процессы, а следовательно, экзогенная детерминация социального поведения является преобладающей.

Приведенная цитата говорит о том, что автор предполагает прекращение биологической эволюции, которая “уступила место” социальному развитию, из чего следует, что, по мнению А.Пехова, биологическая эволюция и социальное развитие представляют два различных процесса, которые протекают независимо друг от друга, или зависимость существует, но только в том смысле, что одновременное развитие этих процессов затруднительно, поэтому биологическая эволюция “уступила место социальному развитию и совершенствованию человечества” [Пехов, 1975, с.36]. Вероятно, по мнению автора, в биологическом смысле человечество уже достигло максимальной степени совершенства, вследствие чего дальнейшее совершенствование возможно только под воздействием социальных факторов, что выражается в

социальной обусловленности всех социальных процессов, основой которых является внешняя экзогенная детерминация социального поведения.

Представление о прекращении действия биологической эволюции в человеческом обществе, ее замена какими-то иными законами, характерно для многих исследователей, со времен Ч.Дарвина до наших дней, от П.Лафарга и К.Каутского до А.Пехова и И.Фролова. Однако доказать наличие биологической эволюции в отношении человека очень просто; основополагающий тезис теории эволюции заключается в утверждении, что рождается организмов больше, чем выживает (и дает плодовитое потомство), а выживают (и дают плодовитое потомство) наиболее приспособленные к данным условиям среды. Таким образом, для того, что бы утверждать, что биологическая эволюция в отношении вида *Homo sapiens* прекратилась, следует указать, что этот механизм не действует, т.е. все родившиеся организмы выживают и дают плодовитое потомство. Но до тех пор, пока такие данные в отношении человека не получены, эволюция вида *Homo sapiens* будет продолжаться вопреки любым утверждениям и установкам.

Убеждения некоторых социологов о прекращении действия борьбы за существование в человеческом обществе, критиковал В.Вагнер. Например, в полемике с Н.Михайловским, выступавшим против использования теории эволюции в отношении человеческого общества, В.Вагнер отмечает, что утверждения Н.Михайловского о наличие «нормальной» и «ненормальной» борьбы за существование в человеческом обществе, где в качестве «ненормальной» называется экономическая конкуренция, не соответствует теории эволюции [Вагнер, 1904]. Эволюционные идеи «...нашли свою поддержку и оправдание в учении Дарвина, как его понимали, или, по крайней мере, старались истолковать для социологии ее сторонники. С другой стороны – социологи стараются смягчить значение биологических

законов для жизни членов общества, но они слишком недостаточно с ними знакомы, и попытки их ограничить руководящую роль этих законов оказывается или односторонними, или слабыми и неубедительными» [Вагнер, 1904, с.16].

Критику попыток некоторых социологов строить социологическую теорию на основе особых законов приводит Л. Мечников, который отмечает, что такие попытки создают «...между социологией и биологией искусственную пропасть» [Мечников, 1884, с.56]. Поэтому уже тогда, в 1884 году Л.Мечников называет некоторые социологические методы и доктрины «устарелыми», «...не способными вместить в себя те эволюционные истины, которые уже добыты научным путем" [Мечников, 1884, с.56].

Автор допускает наличие особого социологического закона, однако, по его мнению, если этот закон существует, то он не может противоречить теории эволюции, напротив, должен включать в себя эволюционные законы, в противном случае получается социологическая теория «висящая на воздухе». «Во всем дарвинистском учении нет решительно ничего, позволяющего нам *a priori* утверждать, будто в мире культурном и социологическом не существует ... свой особый закон, не упраздняющий животной борьбы за существование, но и не отождествляющийся с нею, точно так же, как самый этот закон борьбы, не упраздняя закона всемирного тяготения, не отождествляется, тем не менее, с ним» [Мечников, 1884,с.35].

Аналогичных взглядов придерживается М.Ковалевский, по мнению которого образование социальных объединений не отменяет действие борьбы за существование. «Образование ... ассоциаций, из которых каждая является замиренной средою, ни мало не препятствует, однако, дальнейшему действию борьбы за существование, в которую эти ассоциации вступают отныне на правах отдельных единиц» [Ковалевский, 1910, с.136]. Здесь

Ковалевский совершенно правильно представляет действие группового (междемового) отбора. Однако следует заметить, что и в «замиренной среде» действие индивидуального отбора продолжается, хотя бы по признаку способности к мирному сосуществованию в группе, т.е. слишком агрессивное поведение не будет поддерживаться отбором.

Социальную и экономическую эволюцию человека М.Ковалевский связывает с ростом населения, что неоднократно упоминается в его трудах. [Ковалевский 1888-1903 т.1-3]. Действительно, современная теория эволюции говорит о том, что в стабильных условиях существования, организмы подвержены действию стабилизирующего отбора, который выбраковывает любые уклоняющиеся варианты, поддерживая средние величины. Таким образом, в достаточно стабильных условиях, поведение человека регулируется нормами, отработанными прошлыми поколениями, а любые попытки изменений будут встречаться враждебно членами группы. В случае резких изменений условий дикой природы, отношение к нововведениям будет более либеральным, однако все поведение будет направленно на борьбу со стихией, но стабилизация снова приведет к действию стабилизирующего отбора. Поэтому только рост населения, как постоянно действующий возмущающий фактор, приводящий к конкуренции социальных объединений по признаку адаптивно более удачной социальной организации, мог склонить человека к необходимости социальных изменений.

Снятие указанных противоречий биологического и социального в социогуманитарных исследованиях, построение социологической теории не отменяющей борьбу за существование в человеческом обществе возможно

на основе точного понимания законов теории эволюции, и ее системной основы, поэтому более взвешенные социогуманитарные исследования проводятся в рамках системного подхода, имеющего давнюю историю в социологии и получившего особенно энергичный импульс в связи с развитием методологии системного исследования разрабатываемой общей теорией систем.

Глава 2. Системные представления о социальных процессах в контексте теории эволюции

2.1. Системные исследования Г. Спенсера в свете современного естествознания

Английской социолог-позитивист Герберт Спенсер, обосновавший свою теорию эволюции до выхода в свет работ Ч.Дарвина, является одним из первых представителей социального эволюционизма, который проводил параллели между обществом и живыми организмами. Его инженерное образование, больше склоняло его к заимствованию своих идей из естествознания, чем из гуманитарных наук.

Г.Спенсер утверждал, что “узнать законы – это значит узнать единообразие отношений между явлениями; отсюда следует, что порядок отношения различных групп явлений к законам должен зависеть от постоянства, замеченного в единообразных отношениях этих групп” [Спенсер, 2001, с. 75].

По мнению Г.Спенсера “эволюционная теория общества - составная часть философии природы, ибо социальная эволюция - часть великого процесса, которому подчинена вселенная” [История теоретической социологии, т. 1, 1997, с.243]. Из этого утверждения очевидно глубокое

понимание Г.Спенсером единства не только всего живого на Земле, но и единства законов природы и механизмов эволюции во всей вселенной.

Теория эволюции Г.Спенсера основана на представлении ученого о единстве всех процессов развития на Земле, при этом социальная эволюция является частью всеобщего эволюционного процесса, происходящего во вселенной по единым законам природы.

Изучению этих единых законов посвящена вся деятельность ученого. “Главный плод жизни Спенсера – 10 томов системы "синтетической философии", объединяющей общей эволюционной идеей теоретические, естественные и общественные науки, в которые входили: "Основные начала" (1862, книга о первопринципах бытия), "Основания биологии" (1864-1867), "Основания психологии" (1879-1893), "Основания социологии" (в 3-х томах, 1876-1896). Другие важнейшие социологические работы – это "Социальная статика" (1850) и "Социология как предмет изучения" (1873)” [История теоретической социологии, т. 1, 1997, с.242].

Из приведенного перечисления работ видно, что главной темой исследований ученого являлось изучение социальной эволюции, однако эта эволюция является не самостоятельным процессом, а логически вытекает из общих законов развития, на которых базируется эволюционные процессы как неживой, так и живой природы. Г.Спенсер утверждал, что “понятие о законе есть понятие установленного порядка, в котором согласуются проявления какой-либо силы” [Спенсер, 1896, с.39].

По мнению Г.Спенсера любые процессы подчиняются “всеобщему закону изменения”, который заключается в том, что каждая причина вызывает ряд следствий. Это ведет к непрерывному усложнению, дифференциации всего в природе. “Различные части однородной агрегации неизбежно подвержены действиям разнородных сил, разнородных по

качеству или по напряженности, вследствие чего и изменяются различно” [Спенсер, 1899, с. 244].

В работе “Прогресс, его закон и причина” Г.Спенсер пишет: “Здесь мы намерены прежде всего показать, что закон органического прогресса есть закон всякого прогресса. Касается ли дело развития Земли или развития жизни на ее поверхности, развития общества, государственного управления, промышленности, торговли, языка, литературы, науки или искусства, - всюду происходит то же самое развитие простого в сложное через ряд дифференцирований. Начиная от первых сколько-нибудь заметных изменений и до последних результатов цивилизации мы находим, что превращение однородного в разнородное есть именно то явление, в котором заключается сущность прогресса” [Спенсер, т.1, 1997, с. 24].

В этой работе Г.Спенсер рассматривает процессы формирования солнечной системы, земной коры, климата Земли, эволюцию растений и животных, человеческих рас, общественные изменения, как единый процесс развития, основанный на общих естественных механизмах, которые, по мнению Г.Спенсера, заключаются в дифференциации систем под воздействием условий среды. “Переход от однородного к разнородному одинаково проявляется как в прогрессе всей цивилизации, так и в прогрессе каждого народа и продолжается постоянно с возрастающей быстротой” [Спенсер, т.1, 1997, с. 24].

“Сущность всего прогресса - начиная с отдаленнейших времен прошлого, которых наука имеет хоть какую-нибудь возможность достигнуть, и до вчерашней летучей новости - заключается в превращении однородного в разнородное” [Спенсер, т.1, 1997, с. 46-47].

Этот закон всеобщего развития Г.Спенсер видел в том, что “каждая действующая сила производит более одного изменения - каждая причина производит более одного действия” [Спенсер, т.1, 1997, с. 49]. По его мнению “нельзя указать ни одного случая, где действующая сила не развила

бы различных родов сил и где каждая из новых не развила бы, в свою очередь, новые группы сил. Вообще действие всегда бывает сложнее причины” [Спенсер, т.1, 1997, с. 49]. При этом Г.Спенсер подчеркивает не только всеобщность процессов дифференциации, но и их неизбежность. “Словом, каждая однородная агрегация вещества стремится тем или иным путем нарушить свое равновесие - химическим ли, механическим, термическим или электрическим; и быстрота, с какою тело переходит к состоянию неоднородности, составляет только вопрос времени и обстоятельств. Социальные тела обнаруживают закон этот с таким же постоянством. Сообщите членам какого-нибудь общества одинаковые свойства, положения, силы, и они тотчас же станут стремиться к неравенству. Это одинаково справедливо и для представительного собрания, и для управления железной дороги, и для частной промышленной компании, однородность, хотя бы она и продолжалась с виду, в действительности неминуемо исчезнет” [Спенсер, т.1, 1997, с. 91]. Таким образом, по мнению Г.Спенсера, “возрастание общества как в отношении его численности, так и прочности сопровождается возрастанием разнородности его политической и экономической организации” [Спенсер, т.3, 1971, с. 613].

Г.Спенсер рассматривает историю социального развития, как историю дифференциации общества от просто устроенных диких племен в направлении все более сложных общественных структур. “Как мы видим в до сих пор существующих диких племенах, общество в своей первой и низшей форме имеет однородное собрание личностей, имеющих одинаковую власть и одинаковую деятельность; единственное заметное различие обуславливается тут различием пола. Каждый человек воин, охотник, рыбак, оружейник, строитель; каждая женщина выполняет одинаковые домашние работы. С весьма ранних пор, однако, в процессе социального развития мы находим зарождающееся дифференцирование между управляющими и управляемыми” [Спенсер, т.1, 1997, с. 32]. Так из

однородного “собрания личностей” начинается процесс дифференцирования, выделение управляющих структур. Далее происходит все большее обособление власти от общей массы, выделение религиозной власти, разделение труда и т.д. “Таким образом, едва только социальная масса, бывшая первоначально однородною, начинает дифференцироваться на управляемую и управляющую части, как последняя уже являет зарождающееся дифференцирование между религиозной и гражданской частями - между церковью и государством; между тем как одновременно от обоих из них начинает дифференцироваться тот, менее определенный, вид управления, который узаконивает наше ежедневное общение с людьми, - вид управления, который, как доказывают геральдические коллегии, книги пэрства и различные церемониймейстеры, не лишен своего рода воплощения” [Спенсер, т.1, 1997, с. 33-34].

Таким образом, по мнению Г.Спенсера, возникают все государственные политические структуры управления обществом. “Каждая из отделившихся частей, в свою очередь, подвержена последовательным дифференцированиям. В течение веков возникает, как это произошло и у нас, в высшей степени сложная политическая организация, заключающая в себе монарха, министров, палаты лордов и общин, с подчиненными им департаментами, судами, казначействами и т. д., дополняемыми еще в провинциях муниципальными управлениями, управлениями графств, приходскими управлениями, из которых каждое более или менее выработано” [Спенсер, т.1, 1997, с. 34].

Не обошел этот процесс дифференциации и структуру религиозных организаций, развиваются так же в сторону постепенного и неизбежного усложнения, которая вырастает рядом с политическими структурами. “Рядом с ними вырастает в высшей степени сложная религиозная организация, с различными своими степенями церковных должностей, от архиепископов до ключарей, с коллегиями, конвокациями, церковными судами и пр.; а ко

всему этому должно прибавить постоянно размножающиеся секты индипендентов, имеющие каждая свои общие и местные управления” [Спенсер, т.1, 1997, с. 34]. Этот же механизм приводит к разнородности общественных структур различных народов “...ибо каждый из них более или менее отличается от другого своей политической системой и законодательством, своими верованиями и религиозными учреждениями, своими обычаями и церемониальными обрядами” [Спенсер, т.1, 1997, с. 34].

Усложнение общественной жизни, начинающееся с диких племен, имеющих простое устройство, и продолжающееся во всех областях социальной жизни, не могло происходить без изменения социального поведения составляющих социальные объединения людей. В простых племенах, в силу одинаковой деятельности и отсутствия власти, как видится это Г.Спенсеру, социальное поведение должно быть относительно однообразно. В условиях формирования властных структур и политических органов, религиозных организаций социальное поведение различных членов объединения, должно дифференцироваться соответственно занимаемому статусу и изменившимся условиям существования, что должно отражаться как в законодательном и религиозном оформлении, так и в соответствующих народных традициях, что так же отмечено Г.Спенсером. “Вырабатывается в высшей степени сложная агрегация обычаев, нравов и временных обыкновений, принятых целым обществом и получающих руководящее значение в тех обыденных сношениях между личностями, которые не определены ни гражданским, ни религиозным законом” [Спенсер, т.1, 1997, с. 34].

Таким образом, в представлении Г.Спенсера о социологических процессах в человеческих обществах, социальное поведение выглядит как безусловно жестко запрограммированное едиными естественными законами развития.

Действительно, многочисленные примеры, приводимые Г.Спенсером, подтверждают широкое действие этого закона, однако есть и противоречащие факты, как, например тот факт, что не все общественные объединения подвергаются неизбежной дифференциации, при этом социальное поведение членов этих объединений сохраняется неизменным. Г.Спенсер сам отмечает наличие “до сих пор существующих диких племен”, члены которых демонстрируют однородное социальное поведение. Для того, чтобы определить причины ограничения закона развития, рассмотрим как Г.Спенсер видел возникающие несоответствия.

Рассматривая развитие живых организмов с точки зрения своего всеобщего закона развития, Г.Спенсер сам отмечает возникшие затруднения. “Возвращаясь к нити нашего изложения, мы должны теперь проследить, в органическом прогрессе, то же самое вездесущее начало. Но здесь, где развитие однородного в разнородное было впервые замечено, труднее показать, как несколько изменений производятся одной и той же причиной. Развитие семени в растение или яйца в животное так постепенно, между тем как силы, определяющие его, так смешаны и вместе с тем так незаметны, что трудно открыть умножение последствий, столь очевидное в других случаях” [Спенсер, т.1, 1997, с. 57-58].

Разъяснение возникшего затруднения Г.Спенсер ищет в известных фактах изменений развития зародыша под влиянием среды. “Основательность этого взгляда получает еще большую вероятность, если мы примем в соображение факт, что один и тот же зародыш может развиваться в различные формы, смотря по обстоятельствам. Так, например, в самом раннем периоде зародыш не имеет пола и становится мужским или женским по определению перевеса действующих сил. Далее, положительно достоверно, что из личинки рабочей пчелы выйдет пчелиная матка, если вовремя переменить пищу ее на ту, которой питаются личинки маток. Все эти примеры предполагают, что каждый шаг в зародышных

усложнениях происходит от действия случайных сил на прежде уже существовавшие усложнения. Действительно, мы имеем основание а priori полагать, что развитие происходит именно таким образом” [Спенсер, т.1, 1997, с. 59].

Действительно, изменение пола и не только в личиночном, но и во взрослом состоянии (реверсия пола) имеет место в живой природе (например, у некоторых видов рыб), но нельзя назвать это явление повсеместным и широко распространенным. Второе же утверждение Г.Спенсера о том, что “каждый шаг” в развитии зародыша происходит от действия внешних “случайных сил”, не соответствует современным представлениям генетики, о которых Г.Спенсер, в свое время, конечно, ничего не знал.

“Теперь известно уже, что ни один зародыш, животный или растительный, не содержит в себе ни малейшего начала, следа или обозначения будущего организма; микроскоп показал, что первый процесс, возникающий в каждом оплодотворенном зародыше, есть процесс повторенных одновременных дроблений, кончающийся образованием массы клеточек, из которых ни одна не проявляет какого-либо специального характера; поэтому нет, кажется, иного исхода, как предположить, что частная организация, существующая в данную минуту в развивающемся зародыше, переводится влиянием внешних деятелей в следующий фазис организации, этот - в дальнейший, пока сквозь постоянно возрастающие усложнения не выработается окончательная форма” [Спенсер, т.1, 1997, с. 59-60].

Г.Спенсер чувствует слабые стороны своих рассуждений, объясняя их недостаточным развитием биологических знаний на тот момент времени. “Во всяком случае, мы не можем действительно объяснить происхождение какого-либо растения или животного. Мы все еще находимся во мраке по отношению к тем таинственным свойствам, в СИЛУ которых зародыш,

подчиненный известным влияниям, подвергается специальным изменениям, открывающим ряд превращений. Вся наша цель состоит в том, чтобы показать, что при данном зародыше, обладающем этими таинственными свойствами, развитие из него организма зависит, по всей вероятности, оттого умножения действий, которое, как мы видели, составляет причину прогресса вообще, насколько мы доселе проследили это” [Спенсер, т.1, 1997, с. 60].

Теперь уже “таинственные свойства” хорошо известны в науке. По представлениям современной генетики зародыш любого организма содержит в себе и начало, и конец будущего организма, т.к. генетически определяется как общий план будущего организма, так и неизбежный в будущем процесс старения и смерти организма, но “середина” в некоторой степени подвержена изменениям в силу того, что в процессе онтогенеза, в формировании организма принимают участие как генетическая программа, так и воздействия среды. Причем особенно подвержены коррекции средой многие поведенческие признаки и социальное поведение в частности.

Рассматривая некоторые особенности поведения человека, Г.Спенсер так же замечает наличие дифференциации. “Заметим прежде всего, как многочисленны действия, производимые каким-либо резким изменением на вполне зрелый организм, например на человеческое существо. Какой-нибудь тревожный звук или зрелище кроме впечатлений на органы чувств и нервов способны произвести содрогание, крик, искривление лица, дрожь вследствие общего расслабления мускулов, внезапный пот, прилив крови в мозг, за которым последует, может быть, остановка деятельности сердца и обморок” [Спенсер, т.1, 1997, с. 58]. Тот же ход рассуждений Г.Спенсер приводит рассматривая болезни человека. По его мнению, разные симптомы болезней также подтверждают наличие дифференциации, однако следует заметить, что изменения возникающие как в случае резких изменений, так и в случае болезней, обычно не сохраняются. После окончания воздействий, организм возвращается в прежнее состояние, но при этом сохраняется память

о пережитом воздействии, что при многократных повторениях может привести к закреплению способов противодействия в культурном наследовании (но не генетическом), что может изменить социальное поведение как отдельных индивидов, так и всего общества, т.е. действительно может привести к дифференциации.

Г.Спенсеру представляется, что развитие всей биосферы Земли более ясно отражает открытые им закономерности. “Когда, оставляя в стороне развитие отдельных растений и животных, мы переходим к развитию земной флоры и фауны, ход нашей аргументации снова делается ясным и простым” [Спенсер, т.1, 1997, с. 60]. Однако это утверждение оказывается слишком оптимистичным, т.к. и в этих случаях возникают затруднения. “Травоядные, встречаясь с новыми хищными зверями, были бы принуждены прибегать к иным способам защиты или спасения, нежели прежде, а вместе с тем и хищные звери изменили бы свои способы преследования и нападения. Мы знаем, что, когда обстоятельства этого требуют, подобные изменения привычек у животных действительно имеют место; а мы знаем, что если новые привычки сделаются господствующими, то они непременно должны в некоторой степени изменить и организацию” [Спенсер, т.1, 1997, с. 61-62]. Однако таких непрерывных изменений организаций животных, как можно было бы ожидать из приведенных рассуждений, в природе не наблюдается, Г.Спенсер это замечает. “Взятые в массе, эти расходящиеся разновидности, бывшие результатом новых физических условий и привычек жизни, проявят изменения весьма неопределенного рода и степени, изменения, которые не составят необходимого шага вперед. Вероятно, в большем числе случаев измененный тип не будет ни более, ни менее разнороден, чем первоначальный. В тех случаях, когда вновь усвоенные привычки жизни проще прежних, результатом будет менее разнородное строение: произойдет отступление назад” [Спенсер, т.1, 1997, с. 62].

Действительно, существующие на Земле виды являются весьма консервативными системами, поведение которых не подвержено непрерывным изменениям, которые следовало бы ожидать исходя из представлений Г.Спенсера о постоянно набирающей скорость непрерывной дифференциации, "...но от времени до времени должно случиться, что какое-нибудь подразделение вида, попадая под такие условия, которые предоставляют ему несколько более сложные отправления и требуют несколько более сложного действия, достигнет в некоторых своих органах дальнейшего дифференцирования в пропорционально слабым степеням и сделается несколько более разнородным" [Спенсер, т.1, 1997, с. 62].

Действительно, любые изменения видов происходят только в случае существенных изменений внешних условий, причем настолько существенных, что прежние адаптивные реакции не могут их компенсировать. По мнению Г.Спенсера "...организм остается пассивным участником происходящих вокруг него изменений пропорционально сходству своему с окружающей средой и что несходство с окружающей средой сопровождается пропорциональным возрастанием силы противодействия этим изменениям" [Спенсер, т.1, 1997, с. 87]. Хорошо адаптированная к существующим условиям среды живая система стремится сохранить достигнутую гармонию, сохраняя свою структуру неизменной в случае стационарных условий или противодействуя возникающим изменениям среды до тех пор пока норма реакции и приобретенные в процессе жизни особенности позволяют сохранять структуру неизменной, что соответствует, в целом, современным эволюционным представлениям, однако не соответствует представлениям Г.Спенсера о постоянном процессе дифференциации.

Если исходить из концепции Г.Спенсера о дифференциации, то трудно объяснить существование целого, т.к. оно неизбежно должно быть разделено на дифференцированные части, которые, в свою очередь, подвергнутся

распаду и т.д. Разрешение возникших противоречий между теорией непрерывных усложнений и приведенных выше несоответствий, отмеченных Г.Спенсером, было найдено в дополнении теории дифференциации понятиями интеграции и динамического равновесия. Г.Спенсер находит выход из этого положения в том, что отбираются наиболее устойчивые взаимосвязи между частями. Кроме того, он отмечает наличие интеграции, которая, по его мнению, заключается в укреплении взаимосвязей между частями, что удерживает их от дальнейшего распада.

“Но, как мы понимаем дело, это не представляет полного описания процесса. В период развития организма происходит, как известно каждому физиологу, не только обособление частей, но и слитие их. Тут происходит не только отделение частей, но и агрегация их” [Спенсер, т.1, 1997, с. 77]. Понятие “агрегации” Г.Спенсер обосновывает множеством примеров из мира живых организмов, когда происходит объединение тех или иных органов животного в процессе онтогенеза.

“Одно из положений, которое мы старались установить, заключается в том, что процесс развития у животных производится не только посредством дифференцирований, но и посредством соответственных интеграций. В социальном организме можно заметить ту же самую двойственность процесса” [Спенсер, т.1, 1997, с. 108]. В социальных процессах, а следовательно и в социальном поведении, обеспечивающим эти процессы, Г.Спенсер отмечает как наличие сил дифференциации, так и интеграции.

В своей работе “Социальный организм” Г.Спенсер на исторических примерах рассматривает процессы дифференциации, обосновывая социальные изменения естественными закономерностями, отрицая существенное воздействие на эти изменения чьей бы то ни было воли. “Если же эти наиболее крупные и жизненные черты нашего общественного строя возникли не по мысли какого-либо индивида, а из личных усилий граждан

удовлетворить их собственные потребности, то можно быть уверенными, что и менее важные черты возникли таким же путем” [Спенсер, т.1, 1997, с. 267]. При этом отдельным личностям, способствовавшим социальным изменениям, отводится скромная роль продуктов социального процесса. “Таким образом, общественные изменения, которые можно непосредственно приписать личностям, одаренным необыкновенной силой, надо относить к социальным причинам, породившим эти личности; следовательно, с высшей точки зрения все общественные изменения надо отнести к общему процессу развития” [Спенсер, т.1, 1997, с. 268-269].

Действие сил интеграции и дифференциации может приводить к состоянию динамического равновесия, которое обладает инерцией самосохранения, удерживающей от дальнейшего распада и оказывающей сопротивление внешним воздействиям. Но это состояние равновесия, по мнению Г.Спенсера, является неустойчивым т.к. “...условия однородности суть условия неустойчивого равновесия” [Спенсер, т.1, 1997, с. 90]. Выход из равновесия приводит к эволюционным изменениям, которые актуализируются уже в новом состоянии динамического равновесия [История теоретической социологии, т. 1, 1997 с. 247]. По мнению Г.Спенсера, эволюционный процесс рано или поздно заканчивается распадом, вследствие накопления дисгармоний, образующихся в процессе дифференциации и, если процесс дифференциации и сопутствующая борьба за существование прекращаются, начинают преобладать силы, приводящие к распаду [История теоретической социологии, т. 1, 1997 с. 246-247].

Сравнение общества с целостным организмом, состоящим из взаимозависимых частей, находящихся в равновесии, которое приводил Г.Спенсер, начинается с “...краткого изложения пунктов сходства и пунктов различия”. По мнению Г.Спенсера, “...общества сходятся с индивидуальными организмами в четырех выдающихся особенностях.

1) В том, что, начинаясь соединением небольшого числа частей, они нечувствительно увеличиваются в объеме до такой степени, что некоторые из них, наконец, достигают размера, в десять тысяч раз большего, нежели их первоначальный размер.

2) В том, что, имея вначале до того простое строение, что массу их можно бы считать совершенно бесстройной, они принимают по мере возрастания своего все более и более сложное строение.

3) В том, что, хотя в первоначальном неразвитом их состоянии почти не существует взаимной зависимости частей, части эти постепенно приобретают взаимную зависимость, которая наконец делается так велика, что жизнь и деятельность каждой части обуславливаются жизнью и деятельностью прочих частей.

4) В том, что жизнь и развитие общества независимы от жизни и развития какой-либо из составляющих его единиц и гораздо продолжительнее существования этих единиц, так как они рождаются, развиваются, действуют, воспроизводятся и умирают каждая сама по себе, между тем как политическое тело, состоящее из них, переживает одно поколение за другим, увеличиваясь в массе своей, совершенствуясь в своем строении и в деятельности своих отправлений” [Спенсер, т.1, 1997, с. 272].

Далее Г.Спенсер приводит и другие сходные черты человеческого организма с обществом, среди которых выделяет как наиболее показательную – разделение труда в человеческом обществе и разделение функций, что характерно для различных органов живого организма. “Учение о прогрессивном разделении труда, к которому мы здесь приходим, знакомо всем читателям. Далее, аналогия между экономическим разделением труда и "физиологическим разделением труда" так разительна, что давно уже привлекла внимание естествоиспытателей и ввела в науку самое выражение это. Следовательно, нет надобности пускаться в излишние

подробности при исследовании этой части нашего предмета” [Спенсер, т.1, 1997, с. 283]. Г.Спенсер отмечает формирование высших сословий в обществе, которые “...посвящают себя управлению движениями политического тела” [Спенсер, т.1, 1997, с. 285], отделение их от низшего сословия.

Далее происходит выделение среднего сословия, которое “...в общих чертах равносильно среднему слою зародышевых клеточек, ибо все торговцы суть главнейшим образом распределители. Оптом ли они торгуют, собирая большими массами предметы потребления, поставляемые различными производителями, или по мелочам, дробя массы предметов, собранные таким образом, - все торговцы суть агенты перемещения предметов от места их производства к месту их потребления” [Спенсер, т.1, 1997, с. 286].

Г.Спенсер рассматривает эту дифференциацию на три основных сословия, как аналогию формированию основных зародышевых тканей, которая по мере развития подвергается дальнейшей дифференциации.

Г.Спенсером проводится так же аналогия, “...существующая между кровью живого тела и находящейся в обращении массой произведений в политическом теле” [Спенсер, т.1, 1997, с. 290], он подчеркивает наличие “...аналогий между развитием промышленного устройства и развитием питательного аппарата” [Спенсер, т.1, 1997, с. 297], между властью и нервной системой и многие другие аналогии, которые иллюстрированы историческими примерами.

Действительно, трудно не согласиться со Г.Спенсером о наличии так ярко и образно приводимых аналогий. Однако выводы – в чем причина этих общих схем и тенденций – Г.Спенсером сделаны не были.

М.Ковалевский приводит исследование Людвига Штейна рассматривающего развитие в науке представлений, в той или иной степени отождествляющих общество с организмом: «у Платона оно является

метафорой, у Аристотеля – аналогией, у Спенсера - параллелизмом, у Лилиенфельда – абсолютным тождеством». [Ковалевский, 1910, с.127] Указывая на ошибочность слишком прямого отождествления общества и организма, М.Ковалевский замечает, что определение государства как супер-организма не прибавляет научного знания. «...Так как другого супер-организма мы не знаем, то государство может быть и супер-организм, а что такое оно из себя представляет, этого из такого определения мы вывести не можем» [Ковалевский, 1910, с.127].

Г.Спенсер сравнивал организмы различных групп и видов животных с человеческим обществом. Из этого сравнения видно, что все организмы в той или иной степени имеют аналогии с человеческим обществом, причем чем сложнее устроен организм, тем более высокому уровню развития общества он соответствует. Между тем приводимые Г.Спенсером аналогии можно продолжить. Если анализировать организованные группы любых организмов в сравнении с отдельным организмом, то обнаружатся те же аналогии. Просто устроенные группы будут соответствовать более простым организмам, так же как и примитивным человеческим обществам. В более сложно организованных группах, как, например стаи волков, мы обнаружим и управляющие механизмы (вожак) и строгую иерархию, что еще более выражено в стаях человекообразных обезьян. Но, если мы возьмем таких социально организованных животных как термиты, пчелы или муравьи, мы в этих сообществах обнаружим значительную часть аналогий, приводимых Г.Спенсером в отношении социальной структуры человеческого общества.

Впрочем, если рассматривать не общество в целом, а отдельное устойчивое социальное объединение, например семью, то и в этом случае можно обнаружить аналогии, хотя в силу малого количества составляющих членов и простого устройства, многие функции будет совмещать один человек.

Причину таких всеобщих аналогий Г.Спенсер не назвал, а она есть, и заключается в системной природе приводимых биологических структур. Действительно, любая живая система имеет аналогичный план строения, т.к. любая живая система должна как-то управлять своими элементами, осуществлять взаимодействия элементов, транспортировку необходимых для жизни веществ, возможности для их перераспределения и переработки и т.д. что неизбежно ведет к формированию соответствующих структур, обеспечивающих эти процессы. Причем, чем разнообразнее взаимодействие системы со средой, тем сложнее ее структура и более дифференцированы и специализированы отдельные структуры.

Наряду с аналогиями Г.Спенсер отмечает и отличия организма и общества, которые, впрочем, выглядят гораздо менее значительно, чем сходства. Безусловно, как отдельная живая клетка отличается по своему строению от многоклеточного организма, так и организм имеет отличия в строении с обществом, т.к. это живые системы разных системных уровней.

В свете этих рассуждений, социальное поведение, обеспечивающее социальные изменения, рассматривается как обусловленное системными естественными процессами, однако видение Г.Спенсером этих процессов представляется не полным, т.к. в его теории акцент смещен в направлении воздействия на систему факторов среды.

Такой глобальный системный подход, который предложил Г.Спенсер, был предпринят впервые, поэтому Г.Спенсер не располагал знаниями, полученными в дальнейшем, что не позволило ему обнаружить силы, останавливающие процессы дифференциации, вследствие чего, его эволюция (слишком разумная - по мнению Ч.Дарвина [История теоретической социологии, т. 1, 1997, с. 259]), представляется как бесконечное и безграничное всеобщее стремление к усложнению разнообразных систем, обусловленное экзогенными условиям, ограниченное только моментом

достижения состояния “динамического равновесия, обладающей инерцией самосохранения, которая проявляется в нейтрализации возмущений и в приспособлении к новым условиям” [История теоретической социологии. т. 1, 1997, с. 246]. Соответственно социальное поведение представляется как бесконечно изменяемое под влиянием внешних условий.

Интересен тот факт, что два знаменитых эволюциониста Г.Спенсер и Ч.Дарвин жили и работали в одно время и в одной стране, но Г.Спенсер начал публиковать свои эволюционные идеи раньше Ч.Дарвина. Системное мышление и широкое глобальное видение естественных процессов позволили Г.Спенсеру понять и почувствовать суть открытия Ч.Дарвина. В дальнейшем он, принимая и отстаивая в своих работах теорию эволюции Ч.Дарвина, искал в этой теории место для своих взглядов. Например, в работе “Факторы органической эволюции” Г.Спенсер приводит множество примеров разнообразных изменений организмов, которые происходят под влиянием внешних условий и предполагает “...допустить ... наследование функционально возникших изменений организма” [Спенсер, т.1, 1997, с. 408].

Безусловно, изменения организмов в процессе жизни происходят и, порой, весьма значительные, но по наследству они не передаются, такую возможность биология не допускает.

Тем не менее, фундаментальных теоретических противоречий между эволюционными теориями Г.Спенсера и Ч.Дарвина нет. Г.Спенсер видит общность своей теории и теории Ч.Дарвина в общем понимании процессов эволюции, пусковым моментом которой являются условия среды. “Поэтому, допуская, что роль естественного отбора в видоизменении и образовании первобытных единиц была крайне деятельна и что переживание наиболее приспособленных широко служило орудием для процессов, благоприятствующих и управляющих соединением этих единиц сначала в

мелкие, а затем и в крупные видимые организмы, мы все же должны приписать возникновение этого общего свойства организмов непосредственному воздействию среды на первобытные формы жизни и признать, что универсальный фактор естественного подбора только воспользовался этим воздействием среды» [Спенсер, т.1, 1997, с. 446].

Тем не менее, нельзя объединять теорию Г.Спенсера с теорией Ч.Дарвина, на что указывал В.Вагнер, называя такое сближение «чрезвычайно характерной путаницей» [Вагнер 1904, с.3].

Г.Спенсер дал философское объяснение процессам дифференциации, происходящим в живой природе, естественные механизмы которых были в последствии открыты Ч.Дарвином. Но это только одна сторона эволюционных процессов, которая заключается в действии разделяющего (дизруптивного) отбора действующего в динамичных условиях. Но другую сторону, противодействующую изменениям, механизм которой заключен в действии стабилизирующего отбора, обеспеченного как относительной консервативностью наследственной информации, так и консервативностью приобретенных в процессе жизни адаптаций, Г.Спенсер не обнаружил, хотя и близко подошел к этим представлениям в понятии “динамического равновесия”.

Акцент Г.Спенсера на факторах среды, недостаточно полное изучение внутрисистемных процессов не позволили автору в полной мере увидеть двойственность живых систем, которая заключается с одной стороны в консерватизме и активном противодействии возмущающим факторам среды, а с другой стороны в лабильности, способности перестраивать свою структуру соответственно новым условиям среды, что происходит, однако, только в том случае, если системе не удастся эти изменения нейтрализовать.

Конечно, Г.Спенсер формулировал свои основные идеи до открытия Ч.Дарвином теории эволюции, до открытия законов генетики и задолго до

выхода в свет общей теории систем, поэтому его теория эволюции не полная. Действительно, процесс дифференциации можно наблюдать как в дикой природе, так и в человеческом обществе, но он далеко не настолько всеобъемлющий, как предполагал Г.Спенсер.

Неравномерность развития человеческого общества отражает общие эволюционные процессы биосферы Земли, частью которой и является человек, с чем согласуются взгляды Г.Спенсера. Однако механизмы, которые Г.Спенсер предлагал рассматривать в качестве противовеса силам дифференциации, представляются недостаточными для ограничения процессов усложнения. То, что он называл “динамичным равновесием”, это не просто равновесное состояние, а активное сопротивление системы любым возмущающим воздействиям, по которым система не располагает информацией. Г.Спенсер догадывался о наличии такого сопротивления, но не обнаружил механизмов его обеспечивающих, которые заключаются в глубинных свойствах системы взаимодействовать с окружающей средой, что известно в современной теории систем.

То же можно сказать о бесконечности процесса дифференциации, с прекращением которого, по мнению Г.Спенсера, должен наступить рано или поздно распад системы [История теоретической социологии, т. 1, 1997, с.247]. На самом деле, кроме дифференциации, которая обеспечивается одним из вариантов движущей силы отбора (разделяющий (дизруптивный) отбор, поддерживающий отклонения от средних величин), имеется и противоположная форма отбора – стабилизирующий отбор, который поддерживает именно средние величины и не поддерживает отклонения, что происходит в случае стабильной среды [Грант, 1980].

Кроме того, распад, который, по мнению Г.Спенсера, происходит вследствие накопления дисгармоний и прекращения борьбы за существование [История теоретической социологии, т. 1, 1997, с.247],

логически приводит к выводу, что прежде должно было иметь место абсолютно гармоничное состояние, которое со временем становилось все менее гармоничным вплоть до распада системы.

На самом деле, согласно современной теории эволюции абсолютной гармонии взаимодействия системы со средой никогда не могло существовать, т.к. любая адаптация относительна и не может быть абсолютной. Можно говорить только о степени адаптации, которая постоянно “проверяется на прочность” отбором, вследствие чего “дисгармонии” накапливаться не могут, т.к. постоянно подвергаются отсеву под действием отбора.

Распад системы происходит тогда, когда система не находит адекватного ответа на внешние воздействия и находит решение в более простых формах, но действие отбора не прекращается никогда пока существуют живые системы. Все формы отбора, действующие в тех или иных условиях среды, известны в современной теории эволюции, с которой Г.Спенсер не был знаком, что не позволило ему осознать силу и огромное значение стабилизирующих процессов.

Акцент Г.Спенсера на факторах среды, недостаточно полное изучение внутрисистемных взаимодействий привели к представлению о том, что именно факторы среды играют ключевую роль в социальных процессах, которые, главным образом, заключаются в непрерывных процессах дифференциации, являющихся движущей силой эволюции. Поэтому в его теории социальное поведение выглядит как детерминированное внешними обстоятельствами и постоянно изменяемое под воздействием изменений среды, что, безусловно, отчасти имеет место. Однако другая сторона социального поведения, обеспеченная внутрисистемными процессами и связанная с относительным консерватизмом как генетически определенных границ изменений, так и отработанных поколениями людей традиций, систем

табу, культурных и моральных ограничений, изменение которых - трудный и весьма болезненный для общества процесс, выпали из поля зрения ученого.

Исследования социальных процессов в рамках системного подхода были в дальнейшем продолжены многими социологами и особенно активно развиваются в настоящее время. Развивается также методология системного подхода. В современных системных исследованиях детерминантами социального поведения признается сложный комплекс как внутренних, так и внешних воздействий, что определяется системными представлениями современной теории эволюции.

2.2. Системные эволюционные представления в современных социологических исследованиях

Использование системного подхода в самых различных областях науки давно стало обычным и необходимым явлением. Необходимость использования системного подхода "...является следствием того, что была доказана недостаточность механистической схемы изолированных причинных цепей, особенно для биологических наук и практических проблем, поставленных современной техникой"[Волкова, Денисов, 1973, с.7].

Развитие системного подхода стимулировалось потребностями изучения образовавшихся в процессе развития биосферы Земли естественных сложных систем, которые изучаются такими науками как биология, психология, социология, а также потребностями техники - сооружение и эксплуатация сложных систем, потребностями управления экономикой, организации и управления производством и т.д..

"Анализ свойств систем приводит к выводу, что системами могут быть не только биологические особи, но и другие "объекты", в частности,

совокупность индивидов, между которыми существуют определенные достаточно "жесткие" связи и взаимозависимости. Этот подход создает предпосылки для некоторых методов исследования социальных организаций. ...Однако эти исследования проводятся изолированно, в рамках соответствующих наук, что ведет к возрастанию специальных терминологий. Заслуга общей теории систем состоит в том, что она обратила внимание на возможность существования весьма общих принципов, относящихся ко всем системам" [Рапопорт, 1969, с.67]. Именно этот аспект позволяет исследовать любые системы, в том числе и социальные в рамках системного подхода, используя эти общие принципы, которые дают понимание закономерностей формирования и функционирования социальных систем.

Одним из научных направлений, где исследования с использованием системного подхода представляются наиболее перспективными, являются различные направления человекознания и, в частности, социология. Это связано с тем, что социальные объединения являются сложными системами и исследовать процессы, происходящие в этих объединениях, без учета этого обстоятельства весьма затруднительно.

"С историко-теоретической точки зрения развитие новейшей системной теории получило толчок благодаря тезису термодинамики о тенденции закрытых систем к росту энтропии, т.е. к утрате всяких различий. Поэтому сначала проблема заключалась в объяснении негэнтропии. Исходя из этого вопрос состоял в том, как вообще возможен порядок вопреки постоянной тенденции к росту энтропии, а ответ заключался в понятии открытых систем" [Луман, 1994, с 45].

Теоретическая социология располагает давними традициями применения методологии системного подхода к изучению социальных процессов в человеческом обществе.

В современной социологии используется метод системного подхода как к личности, так и к обществу. Это связано с осознанием того, что человеческое общество как и личность - это сложные более или менее дифференцированные системы, существующие и действующие по отношению к среде как единое целое. В рамках системного подхода работали и работают многие ученые разных стран. Н. Луман предлагал “положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия” [Луман, 1994, с.31]. Т.Парсонс не только подчеркивал важность системного подхода, но и придавал особую важность изучению взаимодействий “во взаимодействии мы находим базовый процесс, который обеспечивает семена того, что на человеческом уровне мы называем личностью и социальной системой” [Parsons, 1964, p.552].

Основные принципы общей теории систем были сформулированы Л.Берталанфи [Bertalanffy, 1956], который определял систему, как комплекс взаимодействующих элементов [Берталанфи, 1969, с.29]. Его теория была сориентирована главным образом для исследования биологических объектов [Заде, 1962]. Дальнейшие исследования, проводимые многими учеными, расширили область применения теории систем, которая стала использоваться для изучения различных объектов, имеющих признаки системы. Совершенствовалась также терминология, классификация, выдвигались новые концепции теории систем, для которых, однако, “...характерно *сохранение первоначальных задач "общей теории систем"* так, как они были сформулированы Л. Берталанфи” [Блауберг, Садовский, Юдин, 1970, с.24].

Многие ученые, работавшие в рамках системного подхода, доказали эффективность применения этого метода для изучения социальных процессов. Но, несмотря на очевидные успехи ученых, использовавших этот подход, особую трудность (как и для всех социологических теорий) представляло и представляет исследование динамики социальной системы.

По мнению одного из самых известных авторов общей теории систем Л.Берталанфи “путаница и противоречия, характерные для широкого спектра современных социологических теорий ..., заставляет сделать одно твердое заключение: социальные явления должны рассматриваться как системы” [Берталанфи, 1969, с.33]. Действительно, как в истории социологии, так и в современных социологических исследованиях широко используется представления о системности социальных явлений.

И.Блауберг отмечает, что в социологии, психологии и ряде отраслей биологии использование математических моделей «...не всегда поддается реализации. Здесь явно необходимы новые логико-методологические понятия и средства формализации» [И.Блауберг, В.Садовский, Э.Юдин, 1969, с.26].

Т. Парсонс внес большой вклад в изучении общества как системы в его историческом развитии [Парсонс, 1998, с.17]. Н.Луман уделял особое внимание информационным процессам в социальной системе [Луман, 2000, с.29]. Системный подход в истории социологии использовали так же М.Вебер, Э.Дюркгейм, но в своих концепциях эти ученые не использовали естественнонаучные знания, представленные теорией эволюции.

В отношении биологической природы человека и ее изучения в социологическом аспекте, у многих социологов наблюдается стойкая отрицательная реакция, которая сформировалась, вероятно, под впечатлением социал-дарвинизма и других редуccionистских теорий

биологической направленности. В.Орлов и И.Мунерман называли это явление “биофобией” (Р.Карпинская).

Однако в последнее время наблюдается оживление поисков биологических основ как социального поведения человека, так и социогенеза в целом. При этом используются как поведенческие аналогии между человеком и другими животными, так и современная теория эволюции, активизируется диалог между биологическими и гуманитарными науками, ведутся поиски эволюционной поведенческой теории, общей для животных вообще и для человека в частности.

Например, Х. Харбах в своей книге “Альтруизм и мораль” подробно развивает тему использования современной теории эволюции для построения общих поведенческих теорий. “Сегодняшние биологи, изучающие психологию поведения, этологи, социологи, биологи, сравнивающие поведение и зоопсихологию, едины в том, что совершенствование популяционной биологией и генетикой теории Дарвина представляет перспективу, в пределах которой можно формулировать плодотворные частные теории о животном и человеческом поведении” [Harbach, 1992, p.115].

Х.Харбах отмечает, что наибольшие надежды на такую общую теорию присущи американским социологам. “В частности в лагере американских социологов господствует большая уверенность, что впервые в истории науки есть обоснованная надежда на обширную, но пригодную теорию...” [Harbach, 1992, p.115], которая, по мнению Х.Харбаха, могла бы дать основания для философских теорий, но была бы так же практической и эффективной и признавалась как биологами, так и социологами.

“Несмотря на то, что многие биологи, изучающие поведение убеждены, что социологи и психологи не имеют удовлетворительной теоретической

базы для этой науки, тем не менее, особенно в Англии и США можно наблюдать возрастающую готовность диалога между различными дисциплинами, которые занимаются исследованием человеческого поведения” [Harbach, 1992, p.115].

Автор отмечает, что этот диалог между учеными различных наук, хотя и происходит порой с высокой долей драматизма и взаимных обвинений, но не прекращается, что способствует взаимному проникновению методологий исследований. Так “некоторые биологи, изучающие поведение животных, привлекают методологии социальных теорий и моделей (например, теорию ролей, теорию игр, теорию обучения и т.д.) к описанию и анализу сообществ животных” [Harbach, 1992, p.115]. С другой стороны, “многие ложные пути в деле воспитания человека и в политических учреждениях были бы менее продолжительны, если бы психологи и социологи больше занимались бы биологией поведения и изучали теорию эволюции” [Harbach, 1992, p.116].

Такой подход возобновляет утраченные на многие десятилетия традиции направления, представленного в работах М.Ковалевского, В.Вагнера, Л.Мечникова, ориентированного на изучение биологических открытий и точное использование этих открытий в социогуманитарных исследованиях в рамках представлений о единстве законов эволюции, для всей биосферы включая человека, его поведение и социальные процессы.

Использование биологических закономерностей в современных социологических исследованиях позволяет снять проблему экзогенной или эндогенной детерминации, т.к. биология - наука, располагающая синтетической теорией эволюции, раскрывающей законы формирования и развития живых систем, наука, в которой эта проблема давно имеет решение. Такое исследование, если его проводить по тем же правилам и с той же точностью, как это принято в современной биологии и с должным

пониманием ее законов, всегда будет системным, т.к. современные законы теории эволюции основаны на закономерностях общей теории систем, формулирующей общие принципы формирования, развития и функционирования любых объектов, имеющих признаки системы.

В социогуманитарных системных исследованиях можно выделить концептуальные методологические исследования, которые формируют мировоззренческие установки системного подхода в социогуманитарных науках.

Наиболее детально принципы единства человека развернуты в работах Б. Ананьева, который подчеркивал, что “цельность личности – не природный дар, а исторически образующееся социальное качество психологического развития личности” [Ананьев, 1941, с.12]. В своем труде “Человек как предмет познания” Б.Ананьев подробно рассматривает формирование человека как целостности, складывающейся в единстве биологического и социального, филогенетические связи которого реализуются согласно теории эволюции. “Общим для всех людей является то, что каждый отдельно взятый представитель вида *Homo sapiens* проходит в определенном социуме определенного этапа развития человеческого общества свой жизненный путь в единстве процессов онтогенеза и социализации” [Человек как предмет познания, 2000, с. 21]. Вследствие чего, по мнению Б.Ананьева, формируется человек, являющийся целостным продуктом природы, общества и человечества в целом, его истории, представляя собой единую систему.

В.Тугаринов. рассматривает единство природы и общества. Автор указывает на то, что в отечественной литературе “...имеет место недооценка или игнорирование натурального (природного) момента в общественной жизни, понимание социального как "чистой" без всяких "примесей" формы движения материи, отрыв социального от природного” [Тугаринов, 1978,

с.47], а так же подчеркивает, что “двойственность природы человека следует понимать как всепроникающее взаимодействие и единство его природных и социальных начал” [Тугаринов, 1978, с.92].

Таким образом, в современные отечественные социогуманитарные исследования постепенно проникает тенденция к осмыслению не только средовой детерминанты социального поведения, но и представлений о наличии биологической составляющей в формировании социального поведения. Более того, несмотря на то, что не только в России, но и во всем мире идеи социал-дарвинистов на многие годы были вычеркнуты из социологической мысли, в последнее время наблюдается возрождение биологического подхода к социальным проблемам.

Поиски возможностей использования теории эволюции в социогуманитарных исследованиях проводятся весьма энергично, но и в современных системных исследованиях часто отмечается влияние противоречий в понимании эволюции человека и его поведения, заложенных марксизмом, что особенно характерно для российских исследований .

Попытка построить развернутую подробную системную модель человека и общества в динамике онто- и филогенеза, предпринята Т.Карсаевской.

Этапы онтогенеза человека от рождения до старения рассматриваются Т.Карсаевской как единый естественный процесс, который с неизбежностью проходит человек, как целостность, но все же социальная сторона процесса в этих исследованиях оказывается ведущей. “Формирование человека происходит по логике развития, ведущими в которой выступает общественное производство” [Карсаевская, 1978, с.64]. “Для понимания природы человека исходной системой является общество” [Карсаевская, 1978, с.65], поэтому хотя в этих исследованиях человек уже имеет

“биосоциальную”, а не “социально – биологическую” природу, все же целостность человека, по ее мнению, социальная. “Марксистское положение о том, что человек есть социальное существо, применимо к нему как к целостности” [Карсаевская, 1978, с.40], следовательно, социальное поведение оказывается в этих построениях преимущественно детерминированным экзогенными факторами.

Системные представления Т.Карсаевской наиболее полно раскрываются в попытке рассмотреть общество как динамичную систему. Домарксистские теории, по мнению Т.Карсаевской, противопоставляли общество природе, вследствие чего среда оказывалась абсолютно чуждой обществу, «данный подход абсолютизировал власть человека над природой» [Карсаевская, 1978, с.54].

Общество Т.Карсаевская рассматривает как систему, которая является частью, включена в более общую систему. Правда при этом остается непонятным, что именно автор принимает за систему более высокого порядка. В одном случае природа-общество рассматриваются как единая система, что основано, по мнению Т.Карсаевской, на социально-биологической природе человека. В другом случае общество - часть целого – природы. В третьем уже Биосфера Земли рассматривается как целое «...в которое включено человеческое общество» [Карсаевская, 1978, с.57]. В результате такого нечеткого построения остается не ясным, отождествляет ли Т.Карсаевская природу с биосферой, или это три различные модели.

Если одним ошибочным подходом Т.Карсаевская называет противопоставление общества и природы, то «другим проявлением метафизического понимания взаимодействия природы и общества служат натуралистические попытки отождествления общества с природой, сведения общественных законов к законам природы» [Карсаевская, 1978, с.54]. Это

утверждение находится в противоречии с утверждением приведенным выше об обществе, как части природы, кроме того, трудно представить, наличие «неприродных общественных» законов. Более того, утверждается, что «в антропосоциогенезе осуществляется снятие биологических закономерностей социальными» [Карсаевская, 1978, с.54].

Методологические системные основания для таких утверждений заключается в представлении о диалектическом взаимодействии части и целого, что характерно, по мнению Т.Карсаевской, для развивающихся систем (вероятно для не развивающихся систем взаимодействие считается не характерным), из чего делается неожиданный вывод: «Время, когда самостоятельно и независимо существующие части системы (отдельные виды, биогеоценозы) подчинялись законам биосферы как наивысшего целого, прошло. В настоящем времени часть (человечество) ставит задачу управлять целым, биосферой» [Карсаевская, 1978, с.56]. Следуя этой логике система более низкого порядка – человечество, ставит задачу поменяться местами с системой более высокого порядка (биосфера или природа по Т.Карсаевской), т.е. человечество станет системой более высокого порядка, а биосфера, (или природа по Т.Карсаевской) станут его частью, системой более низкого порядка, что уже не отличает теорию Т.Карсаевской от критикуемых ею же «домарксистских теорий», подход которых «..абсолютизировал власть человека над природой».

Т.Карсаевская, признавая «биологическое – основой общественных связей», утверждает, что сложность системно-структурных взаимодействий биологического и социального привела к тому, что «...их функции различаются» [Карсаевская, 1978, с.64]. Но почему сложность взаимодействий привела к разделению функций остается не ясным, однако это и позволило социальному отводить определяющую роль. Действительно,

если принять за истину, не нуждающуюся в доказательствах разделение функций, то в отношении любой из них, так же без доказательств, можно декларировать определяющую роль.

По мнению Т.Карсаевской, именно социальная организация и социальное развитие обеспечило преимущество в выживании человека в биосфере. С этим утверждением трудно не согласиться, однако следует заметить, что *Homo sapiens* не единственный социальный вид, и даже далеко не самый социальный.

Такое представление о целостности человека, которая оказывается социальной, несмотря на “биосоциальную” природу, сложилось у автора под влиянием марксизма как научного направления не подлежащего критическому анализу. Поэтому, несмотря на понимание автором в целом системности формирования человека, в теории Т.Карсаевской встречаются высказывания и выводы, противоречащие как общему системному подходу, так и теории эволюции. Такие противоречивые высказывания Т.Карсаевской создают впечатление, что книгу писали два автора, которые между собой не договорились, что характерно для всех исследований, в которых делается попытка провести системное исследование на основе марксистского понимания теории эволюции, и сближает эти теории с поисками биологического и социального, рассмотренными в параграфе 1.3.

Несмотря на четко прослеживающуюся установку И.Фролова на приоритет социального (п.1.3), в его научных исследованиях трудно не заметить системной позиции, соответствующей современным эволюционным представлениям. Автор называет вопрос – «гены, либидо или социум?» - ложно поставленным [Фролов, 1988 с.328], призывает к диалектическому подходу «... «снимающему» альтернативу: «гены или социум» [Фролов, 1988 с.363], указывает на дуализм методов исследования человека, предлагает

объединить усилия в изучении человека социогуманитарных и естественных наук.

Если в теории Т.Карсаевской противоречия марксизма в понимании теории эволюции, и попытка их объединить, уравновесить в системном подходе имеет выраженный характер прямого столкновения противоположных позиций, что так же усугубляется недостаточно четкой выстроенностью системной модели, то у И.Фролова эти две позиции проходят как бы параллельно, не сталкиваясь жестко в единой модели.

Наряду с приводимыми выше концепциями, ориентированными на марксистское понимание теории эволюции, развивается научный подход, при котором исследователи опираются на теорию эволюции, как ее понимает современная биология. При этом противоречия марксистского понимания теории эволюции выступают некоторым идеологическим оформлением, не оказывая существенного влияния на суть научной теории, или это влияние имеет место, но только в некоторых отдельных положениях.

К мировоззренческим концепциям системного подхода в социогуманитарных науках можно отнести так же труды В.Афанасьева. В этих работах указывается на преимущества системного подхода, который "...позволяет не только выделить различные компоненты, структуру, функции живой системы, но и связать их в единое целое" [Афанасьев, 1975, с.4].

Анализируя формирование личности человека, В.Афанасьев выделяет генетическую и социальную информацию ("вертикальный" обмен информации из поколения в поколение и "горизонтальный" обмен между людьми одного поколения), подчеркивая при этом возможность как генетического, так и социального наследования. Социальная система "...способна накапливать, аккумулировать и передавать "по наследству"

собственные достижения в области экономики, социальных отношений и культуры. "*Социальное наследование*" - характернейшая черта общественной системы" [Афанасьев, 1980, с.201].

Рассматривая общество как "сложную, многоуровневую, многосрезную систему, каждый из компонентов которой является в свою очередь системой" [Афанасьев, 1980, с. 283], автор подчеркивает, что человек является наиважнейшим компонентом социальной системы любого уровня, среза и т.д.. "Если подойти ко всем системам, ко всем уровням и срезам с точки зрения *субстанции*, материала, из которого они образованы, то обнаружим компоненты вещного, процессуального, духовного и человеческого характера. Предметом анализа этих систем социального порядка, будь то ... общество в целом или отдельная семья, является *человек*" [Афанасьев, 1980, с. 283]. Человек, в свою очередь, так же рассматривается как целостная система, динамично развивающаяся в процессе взаимодействия с социальной системой. "Личность как целостная система *подвижна, динамична*. Она изменяется, развивается в зависимости от изменения, развития общества, социальной среды" [Афанасьев, 1980, с. 312].

В концепции В.Афанасьева подчеркивается интегративный принцип формирования живых систем, который является общей особенностью и фундаментальным принципом формирования любых систем. "Всякая живая система является компонентом, частью более широкой системы. Она подчиняется законам функционирования и развития этой последней, системным, интегративным требованиям" [Афанасьев, 1975, с.29]. Эти представления В.Афанасьева полностью согласуются с современной теорией эволюции. Отличие заключается в том, что В.Афанасьев делает акцент на социальном наследовании, что не противоречит биологическим представлениям, т.к. значение научения у животных хорошо известно,

однако для социогуманитарных исследований, этот аспект безусловно приобретает особое значение.

Однако следует заметить, что в своем исследовании В.Афанасьев, признавая неотделимость биологического от социального в человеке, все же социальное ставит на первое место в силу «решающего значения социальной информации». Индивидуальные поведенческие особенности человека обосновываются различными условиями существования, воспитании, особенностями «микросреды» [Афанасьев, 1980, с.307-311], что входит в противоречие с системными представлениями о неотделимости биологического и социального. Действительно, если поведение человека формируется наследственной и социальной информацией, то говорить о приоритете одной из них можно только по отношению к конкретному действию человека, но не по отношению к человеку как к целостности.

В отличие от концепций Б.Ананьева и В.Афанасьева, использующих теорию эволюции и общую теорию систем для формирования общих мировоззренческих установок, в исследованиях В.Сержантова этот подход получил дальнейшее развитие как в мировоззренческом аспекте, так и для частных теоретических построений в исследовании ценностей. Принимая за основу представление, о том, что «показательным для уровня современной науки является все то, что получило наименование системного движения, системно-структурного подхода, системного метода и т.п. [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.117], В.Сержантов распространяет эволюционные закономерности для исследования формирования системы ценностей, и ее эволюционный и социальный смысл.

Рассматривая “теоретическое и методологическое значение понятия ценности в науках о человеке” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 85], и

обосновывая ценностный подход, авторы утверждают, что “первым фундаментальным аспектом человеческого опыта являются *акты оценивания* (т.е. эмоционально-волевые переживания, а также рациональные действия, связанные с предпочтением и выбором) и *усилие человека жить согласно с определенной системой ценностей*. Эта исторически сформировавшаяся способность человека накладывает отпечаток на его способ понимания природного и социального мира и на его способ действия в нем” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 86]. При этом подчеркивается особое значение понятия ценностей для исследования общественных закономерностей. “Понятия ценности имеет прямое отношение к исследованию различного рода общественных закономерностей, ибо эти последние являются выражением и воплощением многообразных типов и форм деятельности людей” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 86].

Авторы рассматривают формирование ценностей как сложный комплекс разнообразных процессов, исследование которых перекрывает области различных наук. Отмечаются такие науки как экономика, которая рассматривает ценности в аспектах полезности, стоимости, потребительских свойств предметов как воплощением ценности и т.д., психология - в аспекте изучения целостно-личностных принципов личности, социология – в аспекте “...стандартов, образцов, эталонов, норм социального поведения как объектов мотивации и ориентации” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 98].

Наряду с науками, традиционно рассматривающими формирование ценностей, авторы, используя данные биологических наук, акцентируют внимание на “механизме саморегуляции организмов”, как “отношении ценностей (витальной значимости в данном случае)...” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 95-96]. Любой организм так или иначе реагирует на раздражители, “даже простейшие организмы оценивают положительно или

отрицательно эффект раздражителя, что проявляется в их реакции поиска или избегания...” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 95-96].

Рассматривая биологические закономерности, авторы исходят из системного представления о живых организмах, что широко используется в современной теории эволюции, а так же рассматривают информационное взаимодействие живых систем со средой. “С одной стороны, внутренняя активность, целесообразность, способность к развитию были бы невозможны при отсутствии информационных процессов, свойственных живым системам. С другой стороны, информационные процессы, в частности процессы отражения, были бы невозможны без свойственной этим системам способности сохранения своей структуры вопреки возмущающим влияниям внешней среды. Поэтому отображение внешней среды, так же как и информационные связи в линиях генетической преемственности, есть в высшей степени значимое для существования всех живых существ, есть то, без чего невозможен сам факт их бытия, а это не может не обуславливать характер, пределы и формы такого отображения. Способность организма к избирательной активности есть вместе с тем способность бессознательно оценивать и отбирать огромный и многообразный поток внешних воздействий, распределяя их две взаимно противоположные группы: полезное и вредное” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 95-96]. Такая избирательность любого организма, являющаяся, по мнению авторов, “...принципиальной особенностью поведения живых систем присутствует и в сознательной жизнедеятельности человека” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 95-96]. В рамках теории эволюции, рассмотрение формирования системы ценностей как адаптивного механизма саморегуляции, вполне оправдано, однако ценности формируются не только на индивидуальном, но и на более высоком системном уровне, который представляет социальная система.

Рассматривая человека как живую систему, авторы подчеркивают, что “всякий акт сознательной жизнедеятельности складывается на основе взаимодействия организма и среды...”, при этом формирование личности человека это сложный процесс, который обусловлен не только генетической программой, но и программой социальной. “Социальная среда влияет на человека не как сумма разнообразных раздражителей, а в известном порядке, определяемом специфическими социальными законами. Это позволяет говорить о социальных программах развития индивида, наряду с его генетической программой” [Сержантов, Гречаный, 1980, с. 202]. Взаимодействие этих программ, а так же влияние суммы всех средовых факторов формирует, по мнению авторов, личность человека.

В книге В.Сержантова и Г.Гребенькова “Феномен человека” рассматриваются и анализируются проблемы становления личности, ее характерных особенностей. При этом для построения типологии характера используются идеи Э.Фрома, З.Фрейда, рассматривается формирование и развитие нервных импульсов и их реализация в индивидуальном поведении личности.

Авторы акцентируют внимание на сложности и противоречивости формирующих факторов. “Нетождественность сущности и существования, переходящая в противоположность и разрешающаяся в самой реальности как противоречие, свойственна в ее явном виде только человеку” [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.117]. Что раскрывается, по мнению авторов, “...в особых отношениях между онтогенезом (индивидуальное развитие) человека и его филогенезом, или, иными словами, между его генетической природой и ее фенотипическим осуществлением в индивидуальном цикле жизни.» [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.117]. У человека, по мнению авторов, «имеет место “отщепление” онтогенеза от филогенеза, относительная

“эмансипация” индивидуального развития от генетической программы, состоящая в том, что собственно человеческие функции (деятельность, познание, нравственные установления, эстетические феномены) образуются и актуализируются на основе нейросоматических функциональных систем, формирующихся уже в онтогенезе” [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.117].

Выделяя особенности формирования личности человека, не имеющих повторения среди биологических организмов, авторы, тем не менее, подчеркивают генетическую основу этих процессов, протекающих в единстве с внешними факторами среды, так же вносящими свои существенные коррективы в реализацию генетической программы. “Функциональные системы, лежащие в основе антропологических функций, воссоздаются, конечно, из морфологических элементов, генетически запрограммированных, однако сам способ их организации, их индивидуальная спецификация осуществляется под действием тех или иных факторов среды, как правило, образующих также свои программирующие конstellляции” [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.117]. При этом особо подчеркивается единство и целостность человека, системность всех процессов во всех его проявлениях. “Надо исходить из того, что организм человека есть единая, целостная система, и эта система остается таковой во всех случаях жизни, в любых проявлениях жизнедеятельности, идет ли речь об индивидуально-органических или видовых функциях, или о тех проявлениях жизни, которые составляют содержание когнитивно-праксиологических и социабельных функций. Различие состоит в том, что организм, единый во всех случаях своей жизнедеятельности, разворачивает ее по специфическим для каждого случая, каждой функции, для каждой потребности” [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.85]. Авторы указывают, что

“...организм есть динамичная, в зависимости от условий жизни перестраивающаяся система” [Сержантов, Гребеньков, 1997, с.85].

Несмотря на то, что теоретические построения В.Сержантова идут в русле теории эволюции и отличаются четкими системными построениями, не отделяющими социальное от прочих составляющих системы, все же социальная детерминация оказывается не только преобладающей, но и единственной в отношении формирования нравственности, которая «...не может, конечно, иметь генетической обусловленности» [Москаленко, Сержантов 1984, с.174], что вступает в противоречие с обозначенной выше логикой формирования системы ценностей. Впрочем, такое отделение части от системы, находится как бы в стороне от основного исследования и не оказывают существенного влияния на теорию в целом.

В статье “Моделирование социальных систем” [Бороноев, Письмак, Смирнов, 1996, с.81] формулируется суть моделирования, которая заключается “...не в построении какой-то самой совершенной модели общественного устройства, а в изучении реальных процессов в существующем обществе, которое могло бы выявить как безопасные, так и гибельные пути его развития” [Бороноев, Письмак, Смирнов, 1996, с.81], что необходимо для управления общественным развитием. Авторы приводят и обосновывают важнейшие понятия, “...которые необходимо учитывать при моделировании социальных систем” [Бороноев, Письмак, Смирнов, 1996, с.81]. В работе дан анализ понятий, используемых разными авторами в качестве основы своих моделей, приводится поиск связующих элементов, формирующих социальную систему.

По мнению авторов, “...при моделировании социальных систем следует исходить из представлений об обществе как системе субъективного типа; важнейшей связью, объединяющей людей в общество, необходимо считать

деятельностную связь, а регуляторами деятельности - явления двух классов: ограничители и стимуляторы. Среди последних собственно стимуляторами человеческой деятельности считать ценности, наличие которых можно рассматривать как простейшее и вместе с тем фундаментальное самоописание общества” [Бороноев, Письмак, Смирнов, 1996, с.92]. Этот подход получил дальнейшее развитие в книге П.Смирнова “Социология личности” [Смирнов, 2001].

В приведенных работах разрабатываются общие представления о системности и единстве человека, о наличии как генетической, так и средовой составляющей, отмечается наряду с генетическим, наличие культурного наследования. Особенно важным и перспективным для исследований в рамках системного подхода представляется рассмотрение социальных явлений как информационного процесса, что отражено в работах В.Афанасьева и В.Сержантова.

Наряду с разрабатываемым целостным подходом к исследованию человека и общества, можно отметить появление нового направления - социобиологии, которое на основе системных представлений теории эволюции изучает частные процессы формирования тех или иных поведенческих особенностей человека.

В отличие от классической социобиологии, проводившей параллели между поведением животных и человека, пытаясь объяснить социальное поведение генетическими факторами, современные исследования в этой области отличаются более взвешенным системным подходом.

Современные социобиологические исследования, направленные на выявление общих поведенческих особенностей человека и других животных, динамично развиваются. Одно из направлений изучает индивидуальное поведение человека в сравнении с другими животными.

В книге Д. Фридмана "Социобиология человека: целостный подход" [Freedman, 1979] рассматриваются разнообразные социобиологические исследования, направленные на изучение различных форм поведения человека в биологическом контексте. Исследуются, в частности, сексуальность, проявления полового диморфизма, невербальные коммуникативные особенности, чувство юмора, статусная дифференциация, влияние морфологических параметров на социальное поведение, особое внимание в социобиологических исследованиях уделяется поведению детей и т.д.

В этих исследованиях показано значительное влияние биологической природы человека на его индивидуальное социальное поведение, а так же на социальное поведение в родственных группах.

В книге Р. Хайнда "Индивидуумы, взаимоотношения и культура: Связующие звенья этологии и социальных наук" [Hinde, 1987], рассматриваются возможности применения социобиологического подхода к групповому поведению для объяснения социальной структуры. Этот же подход использован в работе Дж. Хогенсона "Основы этологической теории политического мифа и ритуала" [Hogenson, 1987].

В отечественных социобиологических исследованиях можно отметить работы Ю. Плюснина [Плюсин, 1990], А.Козинцева [Козинцев, 1999], Е.Панова [Панов, 1989], Ю.Новоженова [Новоженков, 1999], В.Дольника [Дольник, 1993]. Работы В.Дольника представляются наиболее интересными, т.к. автор исследует весьма актуальную тему агрессии, законы которой, "влияют не только на поведение каждого человека, включая политиков и военных, но и на поведение общества и государства. Когда государство попадает во власть инстинктов, созданных естественным отбором для стада наподобие павианьевого, и к тому же обзаводится атомным оружием, это

очень опасно. А если таких государств окажется несколько, будущее мира может повиснуть на волоске” [Дольник, 1993 с.74].

В книге “Эволюция, культура, познание” И.Меркулов рассматривает, в частности, вклад, который внесла в “...исследования взаимоотношений биологической и культурной эволюции”... современная социобиология, “...представители которой в последние годы разработали ряд теорий геннокультурной коэволюции” [Меркулов, 1996, с.9].

Затруднения с объяснением культурных феноменов в классической социобиологии, авторы видят в том, что “...из рассмотрения исключались различные формы психической активности человека - сознание, мышление, проявление высших эмоций, принятие решений и т.д. Редукционистский подход классической социобиологии, таким образом, не позволил вплотную приблизиться к анализу культуры и адекватно исследовать природу взаимоотношений между генетической и культурной эволюцией” [Меркулов, 1996, с.9-10].

По мнению И.Меркулова, “в отличие от классической современная социобиология, разделяя, естественно, тезис Дарвина об эволюционном происхождении человека и культуры, выдвигает по крайней мере следующие два основных положения: 1) культура (и культурная эволюция) формируется специфическими, присущими только людям, когнитивными механизмами; 2) эти механизмы имеют генетическую природу, т.е. коренятся в программах развития нервной системы, и могут действовать в широком диапазоне вариаций окружающей среды, будучи менее чувствительными к ним, чем те культурные феномены, которые они создают. Таким образом, допускается некий фундаментальный механизм геннокультурной коэволюции, предполагающий, что формирование культуры если не детерминировано, то по крайней мере направляется генетически” [Меркулов, 1996, с.10]. Автор так же рассматривает эволюционное направление эпистемологии,

базирующееся на теории информации и рассматривающее эволюцию, как процесс обработки, отбора и изменения информации. “Дело в том, что теория информации позволяет взглянуть на органическую эволюцию как на процесс информационного развития. Ведь любая живая система, по сути дела, является системой, обрабатывающей информацию, и поэтому обработка информации - это общая характеристика органической природы. С другой стороны, культуру можно рассматривать как определенным образом организованную информационную систему, кодирующую поведенческие и когнитивные характеристики социальных групп, которая включает в себя мифы, верования, искусства, знания, доказательства, другие средства передачи информации и т.д. Теоретико-информационный подход, в частности, предполагает, что в основе органической эволюции лежит изменение информации, а не организмов как таковых” [Меркулов, 1996, с.7]. Таким образом, с точки зрения этого подхода социальное поведение детерминировано информационным обеспечением живых систем, которое включает как генетическую информацию, так и информацию, поставляемую элементами среды на протяжении жизни как отдельного организма, так и его предшественников, накапливавших адаптивно ценную информацию на протяжении жизни предшествующих поколений.

Среди социобиологов, принадлежащих к этому направлению, автор отмечает Ч.Ламсдена и Э.Уилсона [Lumsden, Wilson, 1981], которые “...выдвинули концепцию так называемых эпигенетических правил, утверждая, в частности, что в психике человека имеются некоторого рода врожденные ограничительные начала, которые направляют наше мышление, наши когнитивные, поведенческие и пр. характеристики” [Меркулов, 1996, с.10], а так же лауреата Нобелевской премии Р.Сперри, открывшего межполушарную церебральную асимметрию связанную с различными типами когнитивного мышления [Sperry, vol. 23., 1968, p. 723-733] и др.

Рассматривая действие эпигенетических правил в рамках геннокультурной коэволюции, в работе “Нуждается ли культура в генах?” Ч.Ламсен отмечает, что “...большинство аспектов психологического развития людей и их социализация, как свидетельствуют соответствующие данные, явно направляются участвующими в геннокультурной трансляции ("эволюционные императивы") эпигенетическими правилами, а не являются результатом сугубо культурной трансляции или ее прямой противоположности - генетического детерминизма” [Ламсен, 1996, с.108].

Из приведенной цитаты видно, что Ч.Ламсен не поддерживает поиски детерминант социального поведения ни в социальной ни в генетической составляющей. Его позиция – системная, отражающая единство действия генетических и средовых факторов, “...действующих в рамках более сложного механизма геннокультурной коэволюции” [Ламсен, 1996, с.109]. Предложением использовать термин "геннокультурная трансляция", Ч.Ламсен подчеркивает, в частности, “... что в конечном итоге на развитие влияют как генетические, так и культурные факторы” [Ламсен, 1996, с.108].

Формирование поведения человека в его социальном аспекте, по мнению Ч.Ламсена, не имеет в основе приоритетных жестких генетических детерминант, наличие которых только незначительно определяет социальное поведение. “Наличие эпигенетических правил в механизмах геннокультурной трансляции вовсе не означает, что познание и поведение генетически "жестко связаны" или что они в каком-либо значимом смысле "генетически детерминированы" (т.е. что знание генома индивида позволяет нам предсказать поведенческий или когнитивный фенотип): лишь незначительная часть стереотипного поведения *Homo sapiens* (также как и глубинные мышечные рефлексы) носит такой характер” [Ламсен, 1996, с.108]. Все социальное поведение, включающее разнообразные культурные навыки формируется и передается на основе эволюционных императивов, которые “...помогают интегрировать в эволюционирующем благодаря конкуренции

фенотипов развивающиеся потребности индивидуума с сущностью социальной системы, совокупным знанием, отношениями и верованиями” [Ламсден, 1996, с.109]. Геннокультурная эволюция, в исследовании Ч.Ламсдена, направляющая эволюцию поведения человека представляет, по мнению автора, новую перспективную область исследования. “Анализ геннокультурной коэволюции помог прояснить важные аспекты человеческого познания и ментального развития, также как и открытого поведения. В этой новой области исследований вопрос об эволюционных императивах является центральным” [Ламсден, 1996, с.114].

Эволюционные представления другого социобиолога - Майкла Рьюза, представленные в очерке "Эволюционная эпистемология: может ли социобиология помочь?", рассмотрены Е.Шульгой в работе “Эволюционная эпистемология Майкла Рьюза” [Шульга, 1996, с.17-31]. По мнению автора, “основная идея очерка пронизывает все его содержание в качестве некоторого смыслового подтекста и может быть сведена к следующему утверждению: в настоящее время есть все основания для эволюционной интерпретации эпистемологии” [Шульга, 1996, с.19]. Рьюз рассматривает разнообразные аспекты человеческой деятельности: мораль, культуру, научное знание, религию и т.д. через призму эволюционной теории и эпигенетических правил, вследствие чего социальное поведение в его концепции представлено как адаптивный механизм сложившийся в процессе эволюции человека под действием отбора и имеющий как генетическую, так и культурную детерминацию, что непосредственно связано с эволюционными процессами развития мышления человека, что представлено так же и в других работах М.Рьюза [напр.Рьюз, Уилсон, 1987; Рьюз, 1977 и др.].

Детерминированность социального поведения как генетическими, так и культурными процессами, отраженная в теории геннокультурной коэволюции, отмечается Г.Фолльмером с работе “Эволюция и проекция -

начала современной теории познания”, по мнению которого, в этой теории “...существует четыре уровня динамики процессов: клеточный, организменный, когнитивный и социальный. Причем процессы, происходящие на уровне клеточных взаимодействий, через сложные цепи опосредований связаны не только с когнитивными, но и с социальными пластами жизнедеятельности человека. Например, генетические особенности организма - через специфику когнитивных возможностей и приоритетов - влияют на то, какие социальные схемы могут оказаться реализуемыми на базе того или иного сообщества. И напротив, какие социальные формы взаимодействий никогда и ни при каких условиях не будут жизнеспособными, если субстратом этих изменений выступает человек” [Фолльмер, 1996, с.49-50].

Рональд де Соса в работе “Эволюция и теология: от инстинкта к преднамеренности” рассматривает формирование и развитие эмоций человека в свете эволюционного учения. По его мнению, “Поведение, точно так же как и социальные структуры, придающие ему смысл и создающие контекст, подвергается давлению естественного отбора” [Соса, 1996, с.116]. Из приведенной цитаты следует, что автор рассматривает развитие социальных структур и социального поведения в контексте единых эволюционных процессов, как формирующиеся под действием естественного отбора.

В отличие от упрощенного биологизма социал-дарвинистов, и более ранних работ социобиологов, в которых отмечается абсолютизация эндогенных детерминант поведения (п.1.3.), в современных социобиологических исследованиях противоречия генно-средовой детерминации преодолеваются в эпигенетических правилах, призванных объединить культурное и биологическое наследование. Современная социобиология рассматривает когнитивные и поведенческие особенности человека, развитие культуры, знания, верования и другие аспекты жизни

человека как адаптивный механизм сформированный в по законам теории эволюции в единстве эндогенных и экзогенных детерминант.

Однако термин “геннокультурная коэволюция” не слишком удачен. И.Фролов отмечает, что в работах Э.Уилсона и Ч.Ламсдена «...по-прежнему утверждается, что культура создается и определяется биологическими процессами, в то же время последние изменяются в ответ на изменения, происходящие в культуре» [Фролов, 1988, с. 354]. И.Фролов справедливо называет эту позицию «...каким-то “социальным ламаркизмом”, не совпадающим с постоянными утверждениями авторов о своей приверженности дарвинизму» [Фролов, 1988 с.354].

Действительно не понятно, какими механизмами может обеспечиваться такое влияние. Так же трудно понять, каким образом культура воздействует на гены. В качестве такого влияния М.Рьюз и Э.Уилсон приводят пример культурного запрета на инцест, который сформировался под действием отбора, по их мнению соответствующее воспитание в детстве приводит к достижению генетического эффекта [Рьюз, Уилсон, 1987]. Но в таком случае не ясно, почему авторами делается акцент только на культуре, почему бы тогда не рассматривать генно-техническую, или например генно-экономическую, или генно-политическую коэволюцию, причем влияние политики на генофонд, гораздо более очевидно, чем культуры, особенно в период военных конфликтов, или все экзогенное воздействие обобщить и признать наличие генно-средовой коэволюции.

Кроме того, следует заметить, что эволюции подвержены не гены и не культура, а организмы, т.е. собственно сам объект эволюции – человек отсутствует в термине «геннокультурная коэволюция». Изменения генов, обозначается другим термином – мутации, но мутационный процесс, это еще не эволюция, а только механизм, поставляющий материал для эволюции, т.к. все изменения на уровне генов происходят ненаправленно. Воздействие

культуры, о котором говорят авторы, оказывает влияние не на гены, а на генофонд, но этот эффект хорошо известен в теории эволюции – среда всегда отбирает наиболее удачные варианты, собственно это и есть механизм эволюции известный еще со времен Ч.Дарвина. Однако в работах социобиологов термин «геннокультурная эволюция» имеет гораздо более широкое теоретическое наполнение, чем можно было бы предположить исходя из смыслового содержания термина. В их исследованиях нет указаний ни на эволюцию генов, ни на их направленное изменение под воздействием культуры, которая так же рассматривается широко – «... культура сама по себе может рассматриваться как система социально передаваемого знания, которое разделяется членами сообщества» [Ламсден, 1996, с.111]. Ч.Ламсден разъясняет смысл использования термина геннокультурная эволюция, который «не просто напоминание, что в конечном итоге на развитие влияют как генетические, так и культурные факторы. Скорее, он предназначался для того, чтобы привлечь внимание к специфической стратегии развития, где направляющие растущий организм эволюционные императивы определяют, что одни, а не другие элементы культурной среды с наибольшей вероятностью используются в ментальном развитии» [Ламсден, 1996, с.108]. Вероятно повышенное внимание социобиологов к культурной эволюции связано с представлением Э.Уилсона о двух эволюциях: биологической и культурной, которая, по мнению Э.Уилсона, как отмечает И.Фролов, протекает быстрее биологической, наследуя приобретенные в процессе жизни особенности [Фролов, 1988 с. 354].

Но, на самом деле, это все одна и та же эволюция, по законам которой развивается все живое на Земле. В современной теории эволюции хорошо известно, что некоторые признаки организмов кодируются жестко и имеют незначительную фенотипическую вариабельность, другие же весьма изменчивы в зависимости от условий среды. «Весьма вероятно, что генотипы подвергались отбору на способность к проявлению

приспособительных фенотипических реакций на изменение условий среды» [Грант, 1980, с.152]. Значительная доля поведенческих реакций человека имеет весьма широкие возможности изменений в зависимости от условий среды, что сформировалось в результате отбора, т.к. среда обитания человека весьма разнообразна, однако физические параметры имеют, обычно менее широкую норму реакции. Этим и объясняется иллюзия «двух эволюций» - если изменение физических параметров, обычно более жестко контролируемых генетически, происходит медленно, из поколения в поколение, то весьма вариабельные поведенческие реакции человека, более мягко контролируемые генетически, способны изменяться очень быстро на уровне фенотипа, но эти изменения генетически не закрепляются.

Интересно отметить развивающееся в настоящее время новое направление, изучающее биологические основы социального поведения и получившее название “биополитика” (некоторыми исследователями используется название “биополитология”). Начало развития биополитики было положено статьей Л.Колдуэлом, которая “...задала весь спектр дальнейших изысканий биополитиков” [Олескин, 2001, с.22]. В дальнейшем это направление развивали А. Сомит, Томас Торсон, который “...дал название "Биополитика" книге, в которой он утверждал, что эволюционная биология должна послужить основой для политической теории” [Олескин, 2001, с.23], а так же Т. Виджел, С. Петерсон, Р. Мастерс, П. Корнинг, В. Эндерсон и другие.

Открыты международные и национальные организации, активно развивающие это направление, такие как интернациональный Исполнительный комитет по биологии и политике, Ассоциация биологии и политических наук в США, Грутеровский Институт права и поведенческих исследований, Биополитическая Интернациональная Организация, и др., проводятся конференции, семинары, издаются труды.

В МГУ биополитическое направление активно развивается на Биологическом факультете, где организован учебно-научный сектор биополитики и биосоциологии [Олескин, 2001, с.22].

Фокальной точкой биополитики называется "...интерес к проблемам социальности, и потому ее потенциал не исчерпывается только проблематикой взаимодействия человечества и биосферы как двух глобальнейших биосоциальных систем. Современный мир полон социальных и политических конфликтов (например, по этническим линиям) и здесь от биополитики также ожидается позитивный вклад, например, рекомендации по поводу эволюционно-древних механизмов распознавания "своих и чужих", которые обуславливают этноконфликты (конфликты племен, наций, рас). Кроме этноконфликтов, биополитики занимались и проблематикой студенческих бунтов (например, во Франции в 1968 г.), бюрократии (как системы, чуждой по многим параметрам нашему биосоциальному наследию), президентских выборов, которые во всех странах находятся под сильным влиянием таких биосоциальных явлений как невербальная (бессловесная) коммуникация и "обезьяний" стиль отношений доминирования-подчинения и др." [Олескин, 2001, с.21].

Направленность исследований биополитиков на поиски биологической детерминанты политических событий ориентирует исследователей на всестороннее изучение разнообразных факторов, определяющих социальное поведение человека и особенно на антагонистические и неантагонистические формы. "Социальное поведение можно подразделить на 1)антагонистическое, включающее формы поведения, связанные с конфликтами между живыми организмами: агрессию, изоляцию, подчинение; 2)неантагонистическое (лояльное, "дружественное"): аффилиацию, кооперацию, а также социальное облегчение и имитацию.

Социальные технологии по преодолению антагонистических форм поведения у человека в пользу лояльных форм, должны учитывать факт сложного переплетения дружественных и антагонистических форм социального поведения” [Олескин, 2001, с.24].

Изучение социального поведения, антагонистических и неантагонистических форм и их социальных проявлений приводит биополитиков к необходимости определения подходов к изучению поведения, которых по мнению А.Олескина четыре. “Они отвечают, соответственно, на вопросы: 1) каковы непосредственные причины поведения и психические механизмы, лежащие в его основе? 2) как возникает определенный тип поведения в ходе индивидуального развития? 3) какие функции выполняет поведение? 4) как возникают определенные формы поведения в ходе эволюции?” [Олескин, 2001, с.39].

Акцент биополитиков на изучение социального поведения и его биологических детерминант связан с влиянием разнообразных направлений биологической науки, но особое внимание уделяется различным аспектам изучения формирования поведения – этологии и генетики.

Этология, изучающая поведение организмов, является важной основой формирования представлений биополитики о социальном поведении человека. “Первоначально этология посвящала себя поведению животных в естественных условиях, с упором на врожденные (инстинктивные) формы поведения, подробно исследованные К.Лоренцом, Н.Тинбергеном, К.Фришем и другими классическими этологами. В дальнейшем, под влиянием таких исследовательских направлений, как бихевиоризм, зоопсихология, предмет этологии был расширен в сторону изучения не только врожденных, но и приобретенных в ходе обучения и накопления индивидуального опыта форм поведения. Было установлено, что различие

между этими двумя видами поведения является относительным, так как практически каждая поведенческая реакция включает врожденные (генетически запрограммированные) и приобретенные (зависимые от жизненного опыта) компоненты. Целый ряд исследований был посвящен ритуальному поведению (брачное, территориальное и игровое поведение). Данные о поведении животных были применены, иногда недостаточно обоснованно, к человеческому поведению, тем самым изменив наш взгляд на самих себя” [Олескин, 2001, с.15-16].

Развитие относительно молодой науки - генетики поведения, позволяет биополитикам использовать достижения этой науки в изучении биологических основ социального поведения. “Генетика человека достигла уровня, когда усматривается возможность прямо изучать генные факторы поведенческих отклонений, а также алкоголизма, депрессии, гомосексуализма, шизофрении и др., что имеет немалое социальное и даже политическое значение” [Олескин, 2001, с.19]. Безусловно, такие исследования представляются весьма перспективными и могут внести существенный вклад в понимании различных особенностей социального поведения и социальных процессов в целом.

По мнению биополитиков, “...использование социобиологических концепций, генетики поведения и этологии в исследованиях политического поведения представляет несомненный интерес. Конечно, использование подобных концепций не означает редукции социального к биологическому. Очевидно, необходим "мягкий натурализм" с комплексным междисциплинарным подходом к природе человека” [Олескин, 2001, с.42].

В поле зрения биополитиков попадают эволюционные процессы, которые и привели к формированию человека с его поведенческими особенностями, однако, по мнению А.Олескина, человек имеет качественные

отличия от других организмов биосферы Земли. “Предполагается, что человек является продуктом биологической эволюции и потому сохраняет в себе и в своей социальной организации общебиологические характеристики, но в ходе эволюционного развития предков человека сформировались уникальные человеческие черты, по которым человек качественно отличается от других живых существ, даже от других высших приматов. Такой натуралистический подход не отрицает специфики человека как особого живого существа, наделенного разумом, культурой (по крайней мере способностью ее создавать), членораздельной речью и построенными на ее основе символическими языками, а также технологией”[Олескин, 2001, с.38].

Биополитика, подчеркивая связь человека с породившими его процессами, происходящими в биосфере Земли и продолжающего существовать в единстве с этими процессами, вносит свой весомый вклад в изучение природы социальных процессов. “В отличие и от абсолютизма, и от релятивизма, современная биология способствует (а биополитика подхватывает эту тенденцию) пониманию человека как существа, укорененного в живой природе, связанного с нею тысячами нитей, сотворенного как продукт многих миллионов (и миллиардов) лет эволюции жизни [Олескин, 2001, с.41].

Используя более взвешенный подход к изучению поведения человека, чем это делали исследователи, придававшие генетической основе главенствующее значение, или полностью отрицавшие наличие таковой, биополитика исходит из представлений о человеке, как целостности, органически сочетающей наследственные и приобретенные поведенческие особенности, из понимания системности и единства биосферы Земли и человека, как части этого единства. Такой подход также не предполагает бесплодных поисков соотношений “социального” и “биологического” в

поведении человека и представляется более современным обоснованным и перспективным, в дальнейшем изучении человека, его социального поведения и, как следствие, разнообразных социальных процессов, происходящих в человеческом обществе.

В приведенном выше кратком обзоре некоторых исследований с использованием системного подхода прослеживается, в целом, понимание единства процессов биологической и социальной эволюции в формировании социального поведения, которое формируется в единстве процессов генетического и социального наследования, детерминирующих социальное поведение, системности всех социальных процессов в человеческом обществе. На основе этого понимания отмечаются поиски единой модели, отражающей детерминанты социального поведения и его генезис.

Однако следует отметить некоторую разноплановость подходов разных авторов, вследствие чего отсутствуют единые представления о социального поведения.

Безусловно, как личность, так и общество являются весьма сложными системами, что затрудняет исследование социального поведения. В то же время, общая теория систем и современная теория эволюции (использующая методы общей теории систем) - науки точные, которые давно и весьма успешно занимаются изучением систем любой сложности. Использование в социологических исследованиях не только общих представлений о системности и единстве процессов развития и понимания биологических основ, но и прямое использование методов и закономерностей теории эволюции и теории систем могут способствовать унификации взглядов различных направлений человекознания и могут способствовать формулированию единой модели, отражающей естественные процессы формирования социального поведения.

Поиски такой единой модели могут опираться на точные принципы классической теории систем, которая предлагает методологию для системных исследований не только в контексте системного подхода, но и более точного системного исследования. Но при этом не следует забывать, что "специфически системное исследование заключается в исследовании объектов именно в том аспекте, в котором они представляют собой системы" [Уемов, 1969, с. 84].

Системные исследования имеют множество направлений, например, Л.Берталанфи отмечает "классическую" теорию систем, теорию ячеек, теорию множеств, теорию графов, теорию сетей, кибернетику, теорию решений и т.д. [Берталанфи, 1969, с.46]. Все эти теории используют математические модели.

При помощи математического моделирования возможно строить и использовать строгие модели, с математической точностью описывающие различные аспекты сложных систем, что широко применяется в кибернетике, техническом проектировании, управлении производством и т.д. Вообще идеальная направленность системного исследования подразумевает построение математической модели, т.е. алгоритма, максимально точно отражающего исследуемые аспекты реальных систем. Однако далеко не всегда возможно сразу создать удовлетворительную математическую модель исследуемой системы, поэтому наряду с математическими моделями используются и другие, в частности, вербальные модели [Берталанфи, 1969].

"Несмотря на то, что математические модели обладают важными достоинствами - четкостью, возможностью строгой дедукции, проверяемостью и т.д., не следует отказываться от использования моделей, сформулированных в обычном языке. Вербальная модель лучше, чем отсутствие модели вообще..." [Берталанфи, 1969, с.46]. "История науки свидетельствует о том,

что описание проблем на обычном языке часто предшествует их математической формулировке, т.е. отысканию алгоритма. Приведем несколько хорошо известных примеров... для многих теорий, например для теории Дарвина, определение математических основ происходит значительно позднее их создания" [Берталанфи, 1969, с.46-47].

"О закономерностях систем можно говорить в разных смыслах. Можно исследовать статистические, логические, экономические закономерности; изучать закономерности конкретных процессов в системах различной физической природы. Эти закономерности существенно зависят от особенностей объектов, представляемых в виде систем. Но есть и закономерности иного характера - общесистемные, характеризующие систему как целое и практически не зависящие от субстрата, качественного наполнения системы" [Волкова, Денисов, 1973, с. 15]. Именно эти, общесистемные особенности, разрабатываемые общей теорией систем, позволяют использовать их для изучения любых объектов, имеющих признаки системы, и становятся важнейшим инструментом для социологических исследований.

Поскольку общая теория систем позволяет исследовать объекты (явления), отвлекаясь от их конкретной природы, направляя исследование на выявление формальных взаимосвязей, то такому подходу присуще высокая степень абстрагирования, отраженная в схематизме построения моделей.

Если исследование начинается с построения вербальной модели, описывающей общие принципы структуры и функционирования системы, то в дальнейшем возможны два пути проведения дальнейших исследований - или на повышение степени формализации и абстрагирования к построению математической модели системы, или на наполнение вербальной модели конкретным содержанием, т.е. выявления разнообразных аспектов

функционирования конкретных объектов, что логически вытекает из построенной модели этих объектов.

В отличие от системного подхода, “...который широко использовался ...в двух смыслах – в смысле методологического направления философии, и в прикладном аспекте, как синоним понятия комплексный подход” [Волкова, Денисов, 2001, с. 9], рассматривающего объекты и явления в контексте общих представлений о единстве, в системном исследовании используются правила, разработанные общей теорией систем.

“Наиболее конструктивным из направлений системных исследований в настоящее время считается с и с т е м н ы й а н а л и з ...” [Волкова, Денисов, 2001, с. 9], который основан на общих правилах теории систем и мог бы послужить конструктивной методикой в социологических исследованиях и, в частности, использован для исследования социального поведения. “...Работы этого направления отличаются от других направлений системных исследований тем, что в них предлагается *методика* проведения системного исследования...” [Волкова, Денисов, 2001, с. 9], которая предлагает как общие правила, так и конкретные методы.

“На первых этапах системного анализа важно уметь отделить ... систему от среды” [Волкова, Денисов, 2001, с. 21]. Далее в проведении системного анализа предлагается следовать правилам общей теории систем, например: определить цели, для которых создаются системы, выделить элементы и компоненты систем, определить системообразующие факторы, структуру, рассмотреть закономерности систем, их иерархическую упорядоченность, закономерности функционирования и развития и т.д. [Волкова, Денисов, 2001]. Если исследовать с использованием этой методики человека или организованную группу индивидов, рассматривая их как целостную систему, то социальное поведение будет представляться, как поведение

развивающейся системы, методики исследования которой предлагает общая теория систем, что намечает возможность поиска путей к построению модели и поиску алгоритма социального поведения, и может быть перспективным при использовании предлагаемых системным анализом методов.

Использование системного анализа и закономерностей общей теории систем могут составлять фундамент системного исследования, служить "каркасом" для построения системы любой природы, т.к. без наличия такой опоры ускользает сама суть системного исследования.

Теория систем, предназначавшаяся первоначально для исследования биологических систем, широко используется в биологии, которая давно и успешно разрабатывает на основе этой теории как общие принципы существования и развития живых систем, так и частные методики для изучения конкретных живых объектов. Эти исследования находят свое применение в некоторых социологических исследованиях. Такое взаимодействие социальных и биологических наук может углубляться в дальнейшем для исследований закономерностей формирования социального поведения человека, в свете понимания единства всех процессов развития биосферы Земли.

Поведение человека, обусловленное эндогенными и экзогенными факторами, формирующими в единстве социальное поведение человека, имеет общую основу с формированием поведения любого организма биосферы Земли. "Поведение особи, т.е. комплекс сложнейших сбалансированных процессов взаимодействия особи с внешним миром, представляет собой, с одной стороны, жестко детерминированную видоспецифическую программу, а с другой - лабильную систему "конкретных" адаптаций к меняющимся условиям" [Крушинский, 1981, с.310].

В связи с этими особенностями формирования как физических параметров, так и поведенческих реакций человека, представляется наиболее продуктивным следующий этап развития взаимодействия социологии с естественными науками, который выражается в понимании как системности и единства человека и его социальных объединений, так и биологических эндо- и экзогенных факторов формирования социального поведения на основе точных правил и закономерностей общей теории систем и современной теории эволюции, располагающих методическим аппаратом для исследования закономерностей формирования сложных систем и их развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Успехи биологических наук в XIX веке стимулировали развитие социологических школ биологической направленности – социал-дарвинизма, расово-антропологического и евгенического направления и т.д.. Однако эти теории, признающие ведущим фактором формирования личности генетическую информацию, основаны на ошибочном представлении о жесткой детерминированности личностных особенностей и социального поведения наследственностью, которая, согласно современным представлениям теории эволюции, определяет только предрасположенность организма и подвергается значительной корректировке в процессе жизни организма условиями среды.

2. Предлагаемые этими теориями “усовершенствования” человека путем селекции теоретически несостоятельны, так как поведенческие особенности являются результатом взаимодействия множества разнообразных факторов как генетических, так и средовых и во многом определяются обстоятельствами жизни, вследствие чего не могут быть подвержены селективному отбору.

3. В конце XIX начале XX веков сформировалось социологическое направление, ориентированное на изучение законов теории эволюции в полном объеме с должным уровнем понимания ее научного содержания, которые принимались за основу социологических исследований. Однако, широкое распространение в социологии противоречивого марксистского понимания эволюционных процессов остановило развитие этого направления.

4. Отрицание биологизаторских направлений в социологии преимущественно на моральных и идеологических основаниях без

достаточного теоретического осмысления, а так же опора на марксистское понимание теории эволюции в социологии, привело к другой крайности в науке – к полному отрицанию биологической составляющей формирования социального поведения, к признанию исключительно социальной природы человека, и, как следствие, к попыткам “улучшения” человека посредством воспитания.

5. Признание исключительно социальных оснований определяющим фактором формирования индивида, предполагающие бесконечную пластичность личности человека так же несостоятельны, так как противоречат современным представлениям о наследственности. Попытки “воспитания нового человека” посредством унификации поведенческих различий не могут быть успешными, так как невозможно изменить индивидуальные наследственные особенности посредством специальной тренировки.

6. Дальнейшие успехи биологии привели к признанию наличия биологической составляющей поведения человека в социогуманитарных науках, однако этот процесс сопровождался поисками соотношений биологической и социальной долей в формировании человека. Подобные концепции основываются на теоретически несостоятельных предположениях о независимом влиянии генетического и средового фактора на формирование человека.

7. Рассматривая человека с разных точек зрения как биологическое или как социальное существо, можно раскрыть некоторые аспекты структуры его социального поведения, что очень важно для понимания деталей, отдельных факторов, влияющих на формирование личности, но понять механизмы социального поведения и, тем более, в целом социогенеза можно только следуя принципам интегратизма, понимая системность и взаимосвязь

личности человека, общества и всего живого на нашей планете, что представлено в современной теории эволюции.

7. Такие возможности открывает системный подход, сущность которого заключается в использовании разработанных теорией систем общих принципов, относящихся ко всем объектам, имеющим признаки системы, что дает понимание закономерностей формирования и функционирования сложных систем, к которым относятся социальные системы.

8. Применение системного подхода в социологических исследованиях имеет давнюю историю, однако до того, как были сформулированы принципы общей теории систем, недостаточная разработанность этого инструмента не позволяла в полной мере приблизить полученные модели к существующей социальной реальности.

9. В современных социогуманитарных исследованиях начинает преобладать понимание системности человека, взаимосвязи и единства процессов развития, формирующих как личность человека, так и его социальные структуры, что имеет большое значение для дальнейшего изучения человека и общества. Взаимодействие социологии с теорией эволюции и общей теорией систем на уровне основных понятий хотя и играет важную роль в понимании единства процессов развития, но не приводит пока к формированию единой общепризнанной теории социогенеза. Создание единой теории развития общества возможно на пути перехода к более активному освоению методологий теории эволюции и общей теории систем, предоставляющих точный инструмент для исследования принципов формирования и развития живых систем, которыми являются человек и общество, что открывает дорогу к новым подходам в социологических исследованиях и дает надежду на формулирование в

будущем универсальной точной модели, отражающей реальные социальные процессы, происходящие в человеческом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г. Дж. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. Н.Новгород, 1994.
2. Ананьев Б.Г. Воспитание характера школьника// Сб. Беседы с учителями о психологии. Вып. 6. Л., 1941.
3. Афанасьев В.Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. М., 1975.
4. Афанасьев В.Г. Системность и общество.. М., 1980.
5. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке// Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
6. Берталанфи. Л. Общая теория систем: критический обзор//Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
7. Берталанфи Л. Общая теория систем - обзор проблем и результатов// Системные исследования. М., 1969.
8. Бороноев А.О. Проблема личности: поиск социологического образа// Сб. Проблемы теоретической социологии. Выпуск 3, СПб., 2000.
9. Бороноев А.О., Письмак Ю.М., Смирнов П.И. “Моделирование социальных систем”//Сб. Проблемы теоретической социологии, Вып.2, СПб., 1996.
- 10.Вагнер В. Из истории дарвинизма. // Русская мысль. № 8, 1904.
- 11.Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- 12.Вернеке А. Биологизм и идеологическая борьба. М.,1981.
- 13.Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. Спб., 2001.

- 14.Волкова В.Н., Денисов А.А. Системный подход в современных исследованиях. Введение в теорию систем. Л., 1973.
- 15.Вольтман Л. Политическая антропология СПб, 1905.
- 16.Вольтман Л. Система морального сознания. СПб, 1901.
- 17.Вольтман Л. Теория Дарвина и социализм. СПб, 1900.
- 18.Гайденок П.П. и др. История социологии в западной Европе и США. М.,1993.
- 19.Гоббс Т. Левиафан. Гл. XVII, XX.// Гоббс Т. Соч.: В 2т. М., 1991. т. 2.
- 20.Гофман А.Б. 7 лекций по истории социологии. М. 1997.
- 21.Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия. Спб., 1875.
- 22.Грант В. Эволюция организмов. М., 1980.
- 23.Гумплович Л. Социология и политика. М. 1895.
- 24.Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа, 1993. N 1.
- 25.Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1989.
- 26.Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения М., 1924.
- 27.Заде Л. От теории цепей к теории систем// Труды Института радиоинженеров. 1962, т.50, ч.1.
- 28.История теоретической социологии. В 4-х т. / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов - т.1, М.,1997.
- 29.История теоретической социологии. В 4-х т. / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов - т.2, М.,1998.
- 30.История теоретической социологии. В 4-х т. / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов - т.3, М.,1998.
- 31.Каримский А.М. Социальный биологизм. М.,1984.
- 32.Карпинская Р. С., Никольский С.А. Социобиология критический анализ. М.,1988.

- 33.Карсаевская Т.В. Прогресс общества и проблемы целостности биосоциального развития современного человека. М., 1978.
- 34.Ковалевский М.М. Дарвинизм в социологии// Памяти Дарвина. Сб. статей. М., 1910.
- 35.Козинцев А.Г. Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? //Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы. М., 1999.
- 36.Крушинский И.И. Поведение животных как фактор процесса микроэволюции// Физиологическая генетика и генетика поведения. Л. 1981.
- 37.Ламсден Ч. Нуждается ли культура в генах// Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова - М., 1996.
- 38.Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М., 1993.
- 39.Луман Н. Понятие общества// Сб. Проблемы теоретической социологии. Выпуск 1, СПб., 1994.
- 40.Луман Н. Почему необходима системная теория// Сб. Проблемы теоретической социологии. Выпуск 1, СПб., 1994.
- 41.Луман Н. Решения в “информационном обществе”//Сб. Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 Спб., 2000.
- 42.Лысенко Т.Д. Агробиология. М., 1948.
- 43.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений т. 3 – М., 1961.
- 44.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений т. 4 – М., 1961.
- 45.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений т. 20 – М., 1961.
- 46.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений т. 30 – М., 1961.
- 47.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений т. 32 – М., 1961.
- 48.Маркс К., Энгельс Ф., полное собрание сочинений, т. 34 – М., 1961.
- 49.Менинг О. Поведение животных. М.,1982.

50. Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология: история и современные подходы// Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова - М., 1996.
51. Мечников Л. Школа борьбы в социологии // Дело, 1884, № 4,5.
52. Миклин А.М. Эволюционная теория: век XX., СПб, 1999.
53. Новоженев Ю.И. Таинственное либидо: Социобиологический анализ человеческой сексуальности. Екатеринбург: Банк культ. информации, 1999
54. Олескин А.В., Биополитика. М., 2001.
55. Основы социологии. Курс лекций. Часть 2, М., 1994.
56. Панов Е.Н. Этология человека: история и перспективы//Поведение животных и человека: сходство и различия: Сборник научных трудов. Пущино, 1989
57. Парсонс Т. Система современных обществ. М. 1998.
58. Пехов А.П. Социальные проблемы генетики. 1975.
59. Плахов В.Д. Системные детерминанты и системная детерминация как проблема социологии//Сб. Проблемы теоретической социологии, Вып.3. СПб., 2000.
60. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990.
61. Проскониная О.В. Общественно-политическая система Н Лумана. Удмуртский университет., 1997.
62. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем// Ежегодник Системные исследования. М., 1969.
63. Рогинский Я. Я. О психотехническом исследовании разных племен и народов//В кн.: Наука о расах и расизм. М.-Л., 1938
64. Рьюз М., Уилсон Э.О. Дарвинизм и этика // Вопр. философии. 1987. N 1.
65. Рьюз М. Философия биологии. М., 1977

- 66.Сержантов В.Ф., Гребеньков Г.В. Феномен человека. Киев 1997.
- 67.Сержантов В.Ф., Гречаный В.В. “Человек как предмет философского и естественнонаучного познания”, Ленинград 1980.
- 68.Смирнов П.И. Социология личности Спб., 2001.
- 69.Соса Рональд де, “Эволюция и теология: от инстинкта к преднамеренности”//Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова - М., 1996
- 70.Спенсер Г. Классификация наук. М. 2001, с. 75
- 71.Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899.
- 72.Спенсер Г. Основные начала. Антология мировой философии. т.3. М., 1971.
- 73.Спенсер Г. Прогресс, его закон и причина// “Опыты научные, политические и философские т.1, Минск., 1997.
- 74.Спенсер Г. Социология как предмет изучения. СПб, 1896.
- 75.Спенсер Г. Трансцендентальная физиология// “Опыты научные, политические и философские т.1, Минск., 1997.
- 76.Тарасов К.Е., Черненко Е.К. Социальная детерминированность биологии человека. М.,1979.
- 77.Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. ЛГУ 1978.
- 78.Уемов А.И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования// Системные исследования. М., 1969.
- 79.Уилсон Э. Социобиология: новый синтез. М.,1975.
- 80.Уотермен Т. Теория систем и биология. Точка зрения биолога//Теория систем и биология. М., 1971.
- 81.Фолльмер Г. Эволюция и проекция - начала современной теории познания//Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова - М., 1996

- 82.Фролов И.Т. Философия и история генетики поиски и дискуссии
М.1988
 - 83.Человек как предмет познания// Психология. Под редакцией Крылова
А.А. 2000.
 - 84.Чемберлен Х.С. Арийское мировоззрение. М., 1913.
 - 85.Штомпка П. Социология социальных изменений. М.,1996.
 - 86.Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова -
М., 1996.
 - 87.Шульга Е.Н. Эволюционная эпистемология Майкла Рьюза//
Эволюция, культура, познание/ Под редакцией И.П.Меркулова -
М., 1996.
 - 88.Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой
философии, М. 1964.
 - 89.Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М., 1984.
-
1. Ammon O. Die natuerliche Auslese beim Menschen. Jena, 1893.
 2. Bagehot W. Physics and Politics// The Works of Walter Bagehot. Hartford,
1891, vol.4., p.442.
 3. Bertalanffy L. General System Theory. - "General Systems", 1956, vol. 1.
 4. Bertalanffy L. Vom Sinn und der Einheit der Wissenschaften. - "Der
Student" (Wien), 1947, N 7/8;
 5. Chamberlain H. St. Die Grundlagen des 19 Jahrhunderts, 1-2. Munchen,
1899
 6. Freedman D.G. Human sociobiology: A holistic approach. New York;
London: Free Press, Collier Macmillan, 1979
 7. Galton F. Genie und Vererbung. 1910. S. VIII, XXII, c. 1, XII.
 8. Gobineau Le Conte de. Essai sur l'inegalite des races humnines, t. 1

9. Gobineau J. Le Conte de. Essai sur l'inegalite des races humaines. 2-meidition, t. 1-2. Paris, 1884, p. 179
10. Harbach H. Altruismus und moral. Westdeutscher Verlag 1992. p.115.
11. Hinde R.A. Individuals, relationships & culture: Links between ethology and the social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
12. Hogenson G.B. Elements of an ethological theory of political myth and ritual // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1987. September. No. 17.
13. Lumsden C.J., Wilson E.O. Genes, Mind and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge (MA), 1981
14. Parsons T. The social system. N.Y. 1964.
15. Ratzenhofer G. Soziologische Erkenntnis, Leipzig, 1988.
16. Skinner B. F. "Science and human behavior", 1956.
17. Skinner B. F. The shaping behaviorist: Past two of an autobiography N.Y. 1979.
18. Sperry R.W. Hemispheric Disconnection and Unity in Conscious Awareness // American Psychologist. 1968. Vol. 23. P. 723-733
19. Tille A. Volksdienst. Berlin – Leipzig, 1893г. S 27-28.
20. Vacheude Laponge. Race et milieu social. Paris, 1909

Содержание отражено в следующих публикациях:

1. Осипова Л.В. Новая транзакционная теория развития общества//Материалы Первого Российского Философского конгресса. Спб., 1997. - 0,2 п.л.
2. Осипова Л.В. Некоторые закономерности формирования социального поведения в переходный период//Философия и цивилизация. Материалы Всероссийской конференции 30-31 октября 1997 г. Спб., 1997. - 0,3 п.л.
3. Осипова Л.В. “Оболочечная модель” социума и модель “Ребенок-Родитель-Взрослый”//Дом человека (экология социально-антропологических процессов). Материалы межвузовской конференции 16-18 марта 1998г., Спб., 1998. - 0,25 п.л.
4. Осипова Л.В. Двухканальное управление в социальных процессах//Биология и психология: новый синтез. Материалы межвузовской конференции 3 февраля 1999г., Спб., 1999. - 0,3 п.л.
5. Осипова Л.В. Двухканальное управление в социальных процессах//Журнал социологии и социальной антропологии 1999, Том II N 3(7). - 0,8 п.л.
6. Дербас Л. Биология, психология, история свободы и судьба России. СПб., 1996. - 8 п.л.
7. Осипова-Дербас Л.В. Эволюция цивилизации. СПб., 2002. - 22 п.л.
8. Осипова-Дербас Л.В. Личность и общество, как информационные системы// Тезисы докладов и выступлений на втором Всероссийском социологическом конгрессе. Российское общество и социология в 21 веке, т. 3, 2003. – 0,2 п.л.